



Элен Скор

Хозяйка старой усадьбы

«Литнет»

2021

Скор Э.

Хозяйка старой усадьбы / Э. Скор — «Литнет», 2021

ВЫШЛА В ПЕЧАТИ! Загадала на свой день рождения начать все сначала? А оно возьми и сбудься! И теперь я в другом мире, в теле юной баронессы. Вот только дорогой папенька сослал девушку в монастырь и думать о ней забыл. Но баронская усадьба почти полностью разорена, а то, что осталось, кредиторы грозятся забрать за долги, и спасти ее может только мое замужество с богатым престарелым соседом, уже похоронившим несколько молодых жен. Ну или мой ум и смекалка. Усадьбу восстановим. Соседу дадим отставку. А сроку у меня на это всего два года.

© Скор Э., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	65
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пролог

Загадала на свой день рождения начать все сначала? А оно возьми и сбудься! И теперь я в другом мире, в теле юной баронессы. Вот только дорогой папенька сослал девушку в монастырь, и думать о ней забыл. Но баронская усадьба почти полностью разорена, а то, что осталось, кредиторы грозятся забрать за долги, и спасти ее может только мое замужество с богатым престарелым соседом, уже похоронившим несколько молодых жен. Ну, или мой ум и смекалка. Усадьбу восстановим. Соседу дадим отставку. А сроку у меня на это всего два года.

— День рожденья — грустный праздник. Ты улыбнись, улыбнись, улыбнись, не грусти напрасно! — доносилось со стороны сцены.

Молоденькая девушка в серебристом вечернем платье пела чистым звонким голоском. Интересно, кто заказал эту песню? Как раз в тему, настроение совсем не праздничное.

Не успела девушка допеть до конца, как в зале погас свет и работники ресторана ввезли тележку с огромным тортом.

— С днем рождения! Поздравляем! Долгих лет! — слышались со всех сторон слова поздравления.

Торт подкатали поближе. Многочисленные свечи, торчащие из кремовых роз, отбрасывали причудливые тени. Даже не стоит считать, я и так знаю, что их сорок пять. По одной за каждый прожитый мною год.

— Загадывай желание и задувай!

Желание... желание у меня одно: начать все сначала! Жаль, оно никогда не исполнится.

Задуть свечи с первой попытки не удалось, пришлось дуть несколько раз. Сразу же накатилась слабость и слегка закружилась голова. Я опустила на стул и с вымученной улыбкой взяла первый отрезанный кусочек торта, который сразу же отодвинула от себя подальше. Не люблю сладкое. А при взгляде на огромные кремовые розы сразу начинало мутить.

Выровняла дыхание, откинувшись на спинку стула и глядя, как гости разбирают куски торта. Разодетые в пух и прах дамы сверкали драгоценностями, которые решили «выгулять» по случаю банкета. Мужчины, сплошь в дорогих костюмах, старались засветить друг перед другом очередные дорожные часы на запястье, как бы невзначай сдвигая рукав пиджака. Все это я замечала, скорее всего, по привычке подмечать всякие мелочи. В моей работе без этого никак.

А собралась вся эта блистательная компания в самом дорогом заведении города по одной причине — на мой день рождения.

Закадычная подруга Юлька как-то рассказала по секрету, что приглашениями, которые рассылает мой секретарь за месяц до этого мероприятия, хвалятся перед подругами. Считается особым шиком в разговоре вскользь обронить, что, мол, иду на именины к самой Екатерине Снежиной.

Мои косметические фабрики и сеть магазинов известны далеко за пределами родного города. Недавно вон даже контракт с китайцами подписали!

В общем, к своим сорока пяти годам стала я женщиной обеспеченной, по местным меркам даже очень, но при этом сдержанной и не особо общительной. Возможно, именно поэтому — а может, все дело в фамилии — за спиной меня называли Снежной королевой. И не то чтобы я не хотела общения, мне на это банально не хватало времени. Думаете, мне богатство на голову с неба свалилось?

И теперь я сижу в лучшем ресторане города с совершенно чужими мне людьми и праздную свой последний день рождения.

Глава 1

Выросла я в интеллигентной семье. Отец, профессор уже в годах, и мама, его бывшая студентка. Бабушка, работающая заместителем директора на косметической фабрике.

Не стоит и говорить, что с меня пылинки сдували. Любимая дочка и внучка. Все лучшее Катеньке! Мама ни дня не проработала, отдавая себя всецело воспитанию единственной дочери. Музыкальная школа по классу фортепьяно, кружок рисования. Так как маменька видела меня женой профессора (как папенька) или еще какого важного человека, я посещала занятия по домоводству. Кройка и шитье, вязание и приготовление изысканных блюд. Этого маменьке показалось мало, добавились уроки танцев. Параллельно мы посещали выставки и музеи.

В редкие свободные минуты мама учила меня французскому, которым владела в совершенстве. Тайной мечтой маменьки было выдать меня замуж за дипломата.

Стоит ли говорить, что свободных минут у меня практически не оставалось. Я не гуляла с соседскими детьми во дворе. Да и в школе друзьями не обросла, со всеми держалась ровно, но и не сближаясь. Хотя многие хотели дружить с симпатичной отличницей, девочкой из обеспеченной семьи, которая спокойно могла купить на карманные деньги шоколада «Белочка» на весь класс.

Единственная, с кем я сдружилась, — это Юлька, жившая этажом выше. Мать Юлии работала в ателье швеей и частенько шила наряды для бабушки и мамы. Отец Юльки исчез в неизвестном направлении еще тогда, когда подруга пешком под стол ходила. Поэтому, в очередной раз увидев нас вместе, маменька только поджимала губы, но молчала. Швеей Юлькина мать была от бога, такие наряды шила — от заграничных не отличить!

Из школы меня забирал папин водитель. Маменька умудрилась выбить для отца служебную машину. Затем после обеда по расписанию начинался забег по кружкам и дополнительным занятиям.

Летом обязательный отдых в санатории на южном побережье. Путевки были на выбор, как от папеньки, так и с фабрики, где заместителем директора трудилась бабуля.

Счастливая обеспеченная семья. Все это рухнуло в одночасье. Счастливое детство, проведенное в стране, которой не стало. Лихие девяностые.

Интеллигентный папенька и мама, никогда в жизни не работавшая, не смогли, не сумели приспособиться к реалиям новой жизни. Сначала опустел холодильник, из которого исчезли привычные деликатесы. Затем, когда я выросла из очередной курточкой, оказалось, что другую покупать просто не на что.

Семья держалась только на бабуле. Она умудрялась через своих многочисленных знакомых продавать висящие в шкафу вещи — сначала свои, а потом и мамины. Хотя та пыталась протестовать, бабуля ее быстро осадила:

— Шелковой кофточкой сыт не будешь! Тебе дочь кормить нужно, молодому растущему организму витамины нужны!

Шкафы быстро пустели, и, провожая глазами очередную любимую польскую блузку, маменька решилась на невиданный шаг. Они с отцом заняли денег и отправились с другими такими же челночниками за китайским ширпотребом, расхажившимся на местном рынке как горячие пирожки.

Им не повезло. В первой же поездке на их автобус напала банда грабителей, вытаскивающая из битком набитого автобуса все клетчатые сумки с товаром. Папуля, конечно, не мог допустить такого беспредела, ринулся отстаивать купленные на занятия деньги шмотки. За

ним кинулась и маменька. Их застрелили там же, около автобуса, брезгливо откинув, чтобы не запачкали кровью товар.

Очевидцы потом говорили: сами, мол, виноваты, куда поперли на вооруженных бандитов. Мол, не до шмоток, ноги бы унести.

Так мы остались вдвоем с бабулей в огромной четырехкомнатной квартире. Бабушка Анна недолго горевала о потере любимого сына. На руках внучка, оканчивающая школу. Фабрика, на которой она работала, вконец разорилась, остался лишь один небольшой цех, где производилось мыло. Вонючие белые прямоугольные куски, которые стало все труднее сбыть, ведь на прилавках появилось душистое заграничное в красивых ярких обертках. Поэтому зарплату стали выдавать этими самыми прямоугольными кусками, несколько ящиков уже стояли у нас на лоджии, наполняя ее удушливым ароматом.

И тут выяснилось, что денег на товар папенька занял не у кого-то там, а у местного криминального авторитета, разъезжавшего по городу на блестящей заграничной машине.

Вот тогда бабушка по-настоящему испугалась. Не за себя — за мою жизнь. Ведь ей очень прозрачно намекнули, как с моей помощью можно отработать долг. По улицам города уже прогуливалась стайка молодых девиц с вызывающим боевым раскрасом на лицах, в коротеньких юбочках, и называли их красивым заграничным словом — «путаны».

Как уж там бабушка вывернулась, но сначала опустела шкатулка с драгоценностями моей мамы, потом бабулина. Остались только два старинных комплекта, передававшихся из поколения в поколение.

— Твое приданое, — говаривала бабушка.

Но вскоре в шкатулке стали появляться новые украшения. Современные. А тот самый авторитет Алик зачастил в наш двор. Бабуля принаряжалась и выпархивала из дому, строго-настрого наказывая мне из квартиры ни ногой.

Как ей удалось окрутить Алика, она никогда не рассказывала, но только вскоре он выкупил (или отжал) вконец закрывшуюся фабрику и подарил ее бабушке. Я к тому времени окончила школу с золотой медалью и пошла учиться на отделение химических технологий. Здесь уже бабуля настояла.

Не было больше многочисленных походов по кружкам и занятиям, у меня неожиданно появилось свободное время, потому как бабуля дома практически не бывала.

Студенческая жизнь мне понравилась. Будучи девушкой жизнерадостной и общительной, я быстро влилась в коллектив, даже завела приятельниц и приятелей.

Так пролетел первый курс, а летом бабушка Анна потащила меня на свою работу.

— Фабрика тебе останется, нужно знать, как с делами управляться. С низов начинать нужно, — утверждала она.

А потому в свободное от основной учебы время я была записана на бухгалтерские курсы, а квартира наполнилась книгами типа «Сто лучших советов, как построить свой бизнес». И снова все свое время я проводила за учебой.

Старые приятельницы подрастерялись, новых я не завела. Осталась одна только Юлька, с которой мы так и жили в одном подъезде.

Тетя Маня, отличная швея, вдруг из едва сводившей концы с концами матери-одиночки превратилась в бизнес-леди. Сначала сама продавала подрубленные полотенца и халатики на местном рынке, а вскоре арендовала подвал в соседнем доме, посадив туда несколько швей. Дела быстро пошли в гору. Возможно, помогла дружба между ее дочерью и мной, но ее подвал не трогали ни бандиты, ни менты, собирающие дань со всех местных торгашей.

Юлька, как и я, все свободное время посвящала учебе. Она с детства мечтала стать судьей. Сидеть за столом в длинной мантии и стучать маленьким деревянным молоточком. Нашу дружбу, пронесенную чуть ли не с детских горшков через школьные годы, не смогло

разорвать даже то, что учились мы в разных институтах. Вечерами мы собирались то у нее, то у нас, вместе засев за учебники.

Алик к тому времени называл меня дочкой, в холодильнике теперь не переводились заграничные деликатесы, в шкафу появилась фирменная одежда. Жизнь потихоньку налаживалась, только иногда, очень темными ночами, я слышала, как плачет бабушка Анна в подушку, тихонько поскуливая, как побитый щенок.

Время шло, мы с подругой все больше отдалялись от сверстников. Поначалу они все еще пытались пригласить на вечеринку красивых, модно и дорого одетых девушек. Парни пытались познакомиться. Но, узнав, кто стоит за моей спиной, быстро оставляли в покое. Банально побаивались.

Юлька стала подрабатывать в частном адвокатском кабинете, набираясь опыта. Меня бабуля все чаще стала таскать на фабрику. Здесь уже работали несколько цехов, производящих кремы для лица и рук, несколько сортов душистого разноцветного мыла и пару видов шампуня — в те годы очень дефицитного товара.

Бабуля крепко держала все производство в своих цепких наманикюренных ручках. Меня, как и обещала, она сначала ставила на упаковку товара, постепенно переводя на более ответственные должности. Так что, можно сказать, все производство я изучила с самых низов. Знала все слабые и сильные стороны.

Время летело с неумолимой скоростью. На улицах все чаще попадались бывшие одноклассницы, ведущие за ручку подрастающих дочек и сыновей. Это заставляло задуматься: а может, и мне пора?

Но после того как я села за руль серебристой «ауди», жизнь за окном автомобиля понеслась с еще большей скоростью.

У Юльки жизнь проходила примерно в таком же темпе, с разницей только в том, что она предпочла автомобиль отечественного производства.

Нет, мы с ней пытались завести отношения с мужчинами, только ничем хорошим это не заканчивалось. Юлька поймала своего в постели с соседкой, а я со своим рассталась после того, как он намекнул, что неплохо бы было подарить ему машину. Причем на новенькую «девятку» он страшно оскорбился, но, когда я вышвыривала его вещи из квартиры, попытался все же прихватить ключи от машины с собой.

Заканчивались девяностые. Алика задело шальной пулей в одной из перестрелок. Фабрика к этому времени уже уверенно встала на ноги, и в городе открылось несколько магазинов с логотипом снежинки. Этот наш фирменный знак бабуля углядела на одной из записок, которые мы с Юлькой передавали друг другу. Там вместо подписи я рисовала снежинку.

Однажды бабуля открыла шкапулку с моим «приданным» и торжественно вручила мне кулончик в виде снежинки, усыпанный крошечными блестящими камешками. С тех пор я его никогда не снимала.

После смерти Алика бабушку попытались прессануть и отобрать бизнес. Но времена уже изменились, да и много полезных знакомств у нее за спиной накопилось. Конечно, мы отстегивали мзду за относительно спокойное существование, но нас больше не трогали.

Времена действительно стремительно менялись. Изменились и люди. Внедрялись новые технологии, фабрика разрослась в огромное производство, на ней уже работала чуть ли не треть города.

Бабуля постепенно отошла от дел. Ее все чаще стали беспокоить головные боли. На открытие сети магазинов в соседнем городе она уже не поехала. Последнее время бабушка увлеклась старинными рецептами изготовления косметики на травах. Мы даже открыли небольшой цех по производству натуральной косметики, которая, к моему удивлению, стала пользоваться большим спросом, несмотря на высокую цену. Так у нас появился цех элитного производства.

Юлька к тому времени уже открыла свой адвокатский кабинет и сменила пару мужей. Уверившись в том, что все мужики козлы, она посвятила себя исключительно карьере.

Я, глядя, как дети одноклассниц заканчивают школу, попыталась наладить отношения с противоположным полом, но потом, как и подруга, махнула на это рукой, по ее совету найдя себе партнера исключительно «для здоровья». Им стал один из поставщиков товара, проживающий в другом городе. Его, как и меня, устраивали ни к чему не обязывающие отношения. Так пролетело еще несколько лет.

Бабули не стало одним промозглым холодным осенним днем. Я осталась совершенно одна в этом мире. Возвращаться в пустую квартиру, встречавшую меня гулким эхом, совершенно не хотелось. Я стала практически жить на работе. В смежной с кабинетом комнате стоял удобный диван, а в шкафу всегда висела смена одежды.

Меня уважали и побаивались за неуступчивый характер и умение вести дела. В споре я не уступала ни одному мужику, выучив такие выражения, что некоторые даже заслушивались. А те, кто поначалу велся на образ хрупкой шатенки с короткой мальчишеской стрижкой, даже в свои сорок лет похожей на студентку в светлом платье чуть выше колена, порой жестоко обжигались и называли за спиной железной леди или Снежной королевой.

Возможно, я просто устала или уход бабули так меня подкосил, но однажды, когда зашла в соседнюю кафешку выпить чашечку кофе, ко мне за столик подсел симпатичный молодой человек.

— У вас свободно? Такая красивая девушка — и в одиночестве!

Так банально я познакомилась с Андреем. Молодой человек очаровал меня веселым нравом, милыми шутками, небольшими трогательными подарочками и настойчивостью. И даже потом, когда выяснилось, что он на десять лет моложе меня, Андрей уже давно и прочно поселился в моей квартире.

«Может, вот она — моя судьба?» — решила я, и через год мы расписались.

Правда, Юлька, с которой мы по традиции встречались раз в месяц и никогда не пропустили эти встречи, несмотря ни на что, настояла на брачном контракте. В этом вопросе я полностью доверилась подруге. К тому же все дела в моем бизнесе уже несколько лет вели юристы из ее конторы.

Три года счастливой семейной жизни. Целых три года! Поездка в Венецию. Новый год в Париже. Мы даже начали строить загородный дом, а я втайне подумывала о детях. Мне всего-то сорок с небольшим, ведь еще не поздно?

Андрей занимался дизайном сайтов и чаще работал дома. К моему приходу обычно меня ждал ужин, а иногда мы просто ходили в ресторан. По утрам я тихонько уезжала на работу, стараясь не разбудить мужа, опять доказывавшего мне ночью, как сильно он меня любит.

Поэтому, когда меня начало тошнить по утрам, стала кружиться голова, приключались другие недомогания, я радостно помчалась в больницу. Но гинеколог, подозрительно внимательно осматривавшая меня, послала на дополнительные анализы. Потом еще долго вчитывалась в разложенные перед ней бумажные листки. Неловко собрала их в кучку, протянула мне со словами:

— Екатерина Сергеевна, мне очень жаль, но вот вам направление к онкологу. Возможно, я ошибаюсь, но лучше дополнительно пройти обследование у этого специалиста.

Даже тогда я еще не могла подумать, что это случилось со мной. Еще одно обследование, на которое я ездила втайне от всех. Даже Юльке ни слова не сказала. И вот вердикт вынесен: опухоль мозга. Неоперабельная. Осталось несколько месяцев. Три, может четыре... За границей есть лечение, которое может продлить жизнь еще на несколько месяцев.

В этот день я впервые вернулась домой раньше обычного, предварительно не позвонив. В прихожей не обратила внимания на красные модельные туфли на высоченной шпильке. На автомате прошла на кухню, откупорив бутылку с водой, налила в стакан и залпом выпила. Шум

в ушах немного прошел, и я услышала звуки, доносившиеся из нашей спальни. Звуки, которых не должно быть в моем доме в мое отсутствие.

Чем ближе я подходила к слегка приоткрытой двери, тем отчетливее слышала женские стоны. Мне даже не пришлось заглядывать в комнату — в зеркале, висевшем напротив двери, отчетливо было видно сидевшую на моем муже девушку. Лица ее я не видела, только спину и длинные светлые волосы.

Андрей что-то сказал, девушка заливисто засмеялась, затем спросила:

— А твоя старуха когда сегодня придет? Попроси у нее больше денег, я хочу поехать в Египет, на солнышке погреться. Ну, как всегда, наври ей, что тебе опять на выставку нужно. А еще я шубку хочу, ту, из белой норки!

Андрей ей что-то ответил, девушка снова заливисто засмеялась, а я тихо вышла из квартиры, аккуратно закрыла за собой дверь, спустилась вниз, села в машину и поехала к Юльке.

Подруга испугалась, увидев меня на пороге своего кабинета.

— Ты похожа на привидение!

Она выгнала всех из кабинета, не закончив совещание и велев не беспокоить ее, даже если начнется пожар.

Я села на стул и спокойно, с подробностями стала рассказывать ей все, что со мной произошло в последнее время. О подтвердившемся диагнозе, об измене мужа.

С каждым моим словом глаза Юльки темнели, губы превратились в тонкую злую ниточку.

— Я его уничтожу! Так и знала, неспроста он к тебе присосался, словно пиявка! Дизайнер он, дома работает! А ты хоть раз спрашивала, сколько он зарабатывает? Сколько в семейный бюджет вкладывает?

Только сейчас я поняла, что даже не знаю, сколько зарабатывает мой муж, работает ли он вообще? Денег у меня хватало, и я совершенно не интересовалась, на что он их тратит. Частенько Андрей летал за границу, на очередную выставку или, как он говорил, обучение.

— Мне нужно развиваться, учиться новому! — говорил он, и я сама совала ему в руки очередную пачку купюр.

А он просто катал по Европам свою молодую любовницу. Уж больно юным показался мне капризный голосок девушки.

— Нужно пройти обследование в лучших клиниках! Есть же новейшие лекарства! — развила бешеную деятельность подруга, перелистывая свой еженедельник с номерами людей, которые ей чем-то обязаны. Кто-то свободой, а кто-то и жизнью.

— Подожди, Юль, не суетись. Я, пока к тебе ехала, все обдумала. Лекарства мне не помогут, только продлят агонию. Я хочу продать весь свой бизнес. Ты помнишь, ко мне Нетопырев из столицы несколько раз с этим предложением подкатывал? Пусть твои люди этим займутся. Только так, чтобы об этом никто не узнал! После моего ухода Андрею не должно достаться ни копейки!

Юлька деловито записывала мои слова в блокнот. Она так и не доверяла электронным гаджетам.

— Квартиру я уже давно тебе завещала, но лучше оформить ее на тебя уже сейчас. Хочу, чтобы он ни дня там не провел после моей смерти.

Вот я и произнесла это слово вслух. И сама поморщилась, как оно резануло по нервам. А Юлька побледнела и, дрожащей рукой налив себе минералки в стакан, выпила его залпом.

Еще тогда, когда не стало моей бабули, мы с подругой составили завещания, подписав все свое имущество друг на друга. Больше у нас никого не было, не считая старенькой мамы Юльки, которая уже несколько лет жила за городом.

Мы просидели вдвоем в ее кабинете до самого вечера, скрупулезно составляя план действий. Потом я позвонила Андрею и сказала, что остаюсь ночевать у подруги, а утром уезжаю

в командировку. На неделю. Возвращаться назад в оскверненную квартиру у меня сейчас не было сил.

Неделю я жила у Юльки, мы с ней успели даже сгонять в столицу и переговорить с Нетопыревым. Мое предложение выкупить весь мой бизнес по значительно заниженной цене очень его заинтересовало. Но у меня было условие: держать все в тайне вплоть до моего дня рождения.

На выставленное условие он только понимающе хмыкнул, зная специализацию моей подруги.

— Без проблем. Сам несколько раз разводился! — понял он мое условие по-своему. О моей болезни по-прежнему знала только подруга и несколько врачей, получивших за свое молчание по пухлому конверту с купюрами.

Юлькины специалисты занялись оформлением сделки. Часть вырученных от продажи бизнеса средств я сразу подписывала на Юлькино имя, часть передавала в детские онкологические клиники. Завещание на квартиру переписали на дарственную, и в день моего сорокапятилетия она полностью переходила в собственность подруги.

За мной оставалась только моя старенькая машина, муж уже пару лет уговаривал сменить ее на более новую модель, но я привыкла к своей ласточке — она меня еще ни разу не подводила.

Остаток отмеренных мне дней я решила провести на берегу моря, сняв для этого на год вперед небольшой домик, а также наняв медицинский персонал. Головные боли с каждым днем все усиливались, я еще сильнее похудела, и скоро мне понадобится помощь врачей, когда не будет сил терпеть боль...

Именно туда, к морю, я собиралась улететь сразу после своего последнего дня рождения. Подруге строго-настрого запретила меня навещать. Хочу остаться в ее памяти молодой и красивой, а не обезображенным болезнью овощем.

Так что сегодня я праздную свой последний день рождения!

От раздумий меня оторвал голос мужа. За последний месяц мы так практически и не виделись. Вернувшись от Юльки, я самолично вручила ему в руки толстую пачку денег, намекнув, что ему пора поехать на очередное обучение, хотя с предыдущего он вернулся лишь несколько дней назад. За это время я перенесла свои вещи в гостевую спальню, сославшись на плохое самочувствие.

Мой слегка осунувшийся вид и тошнота по утрам впечатлили Андрея, и он стал до приторности предупредительным, чуть ли не ежеминутно справляясь о моем самочувствии. Вон даже мою машину позавчера на ежегодный техосмотр самолично отогнал и не кривился как обычно, садясь за руль моей старушки.

— Минутку внимания!

Андрей встал, привлекая внимание всех гостей.

— Все вы знаете, как горячо я люблю мою дорогую Катюшу, в последнее время она так много работает, и я решил подарить ей полноценный отдых на самом лучшем курорте. Все включено!

И, повернувшись ко мне, торжественно вручил конверт, перевязанный золотистой ленточкой.

— Вот билеты, вылет через три часа. Вещи уже в машине, я сам сложил все необходимое и подогнал машину к ресторану.

Он протянул мне ключи от моей машины. Надо же, как расстарался! Видимо, «обучение» было очень удачным и меня снова желают спровадить с глаз долой.

Мне все равно скоро ехать в аэропорт, а теперь есть повод уйти с мероприятия на пару часов раньше. Лучше проведу их в одиночестве в зале ожидания. Кто-то сказал: настоящее одиночество — в толпе незнакомых людей. Вокруг никому нет до тебя дела. Люди проходят

мимо, не замечая друг друга. Это именно то, что мне сейчас надо, а не эти приторные улыбки и заискивания зажавшихся людей, пытающихся ухватить кусок побольше и послаще.

Юлька вышла проводить меня до машины. Глаза подруги подозрительно блестели, но при мне она держалась, не проронив ни слезинки. А ведь ей завтра расхлебывать все, что мы с ней заварили.

Сейчас почти ночь, темнеет. А уже утром откроется, что у моего бизнеса несколько дней как новый хозяин. А квартира и почти достроенный загородный дом сегодня перешли в собственность Юльки. Все остальное, вплоть до последней булавки, принадлежащей мне, она получит после моей смерти. Впрочем, там практически ничего не осталось, даже фамильные украшения я уже давно передала в руки подруги, оставив себе только ту самую любимую подвеску серебристого металла в виде снежинки, усыпанной множеством крохотных, вспыхивающих искорками камешков. Сейчас она поблескивала у меня на груди.

Подруга крепко обняла меня за плечи.

— Ты звони. Каждый день звони.

Она всхлипнула. У меня тоже предательски защипало глаза.

Не время раскисать! Только не сейчас. За весь этот месяц я не дала себе ни минуты на жалость. Вот когда останусь одна, тогда наревусь от души. Как бабушка Анна, по ночам в подушку.

Решительно оторвала от себя подругу и села за руль. Машина мягко заурчала, набирая скорость. От ресторана только одна дорога, вон за тем крутым поворотом, через мост, а там уже рукой подать до аэропорта.

Заходя в поворот, нажала педаль тормоза, чтобы сбросить скорость. Педаль провалилась до упора, машина неслась, не сбавляя скорости, на ходу снося ограждение моста. Секунда свободного падения — и громкий всплеск. В открытые окна устремились потоки воды. Пока я возилась с застежкой ремня безопасности, салон затопило полностью.

А может, это к лучшему? Вот так? Сейчас и сразу?

Машина достигла дна, подняв облачко ила, я, не шевелясь, смотрела на поднимающиеся вверх пузырьки воздуха, провожая их глазами. Там, сверху, вспыхнуло светлое пятно.

Как там говорят, нужно идти на свет? Вот и я пошла, вернее поплыла. Длинное вечернее платье, намокнув, тянуло вниз и мешалось в ногах. Легкие горели огнем, но я упрямо плыла на светлое пятно над головой, пока меня, словно поплавок, не выкинуло на поверхность воды. Глаза резанул яркий дневной свет. Прямо над головой светило солнце, а ведь всего минуту назад была ночь. Из последних сил поплыла к берегу и, зацепившись руками за прибрежную корягу, провалилась в спасительную темноту.

Глава 2

Сознание пробивалось рывками, словно через толстый слой ваты. Слышались далекие глухие голоса.

— Сюда, сюда! Скорей!

— Жива?

— Кажется, жива, но не в сознании. Вон как в корягу вцепилась, не разжать!

— Аккуратнее ты, остолоп. Чай, барыню несешь, а не девку чернявую.

Меня закачало, словно на волнах, и сознание вновь уплыло в тишину.

В очередной раз очнулась оттого, что лицу было сыро и холодно. Я в раю? Раз здесь есть вода, я точно не в подземном судилище, там вроде жарко должно быть, а здесь прохладно, даже очень. Мокрая одежда облепила тело, и я основательно продрогла. Какие-то условия у них в раю некомфортные!

По лицу кто-то продолжал возюкать мокрой тряпкой. Доносилось птичье пение и ржание лошадей. Странно, ладно райские птицы, ну а лошади здесь откуда?

— Что ж вы барыньку-то не уберегли? Кровинушку мою! Каталина, девочка моя, что ж я твоему батюшке скажу?

Кто-то завывал у меня над самым ухом. От громкого женского голоса снова заболела голова, я поморщилась.

— Да что ты голосишь? Жива твоя барыня, гляди, вон шевелится.

Мужской басовитый голос осадил завывающую женщину, та примолкла, а у меня от холода зуб на зуб не попадал, выбивая чечетку.

— Вишь, дрожит вся. Переодеть бы ее, чай, не лето, а то заболает и действительно помрет, — продолжил мужчина.

— Типун тебе на язык, Касьян! — заохала женщина.

— На все воля Божья, — послышался другой женский голос.

Видно, не время еще в священные чертоги отправляться. Как только выжила? Столько времени под водой пробыла. Да и прав Касьян: не лето, вода холоднющая!

— Переодеть барыню нужно.

— Там, в повозке, в саквояже смена белья и платье теплое. Сестры в дорогу собрали.

— Касьян, неси саквояж из повозки. Да колесо чини, барыню скорее в дом нужно, обогреть. Как бы действительно не приболела.

Меня снова затормошили, и сознание уплыло в темноту. Мне снился сон.

Девочка лет пяти с длинными каштановыми волосами в розовом кружевном платье, рядом с ней красивая молодая женщина. Собирают цветы и, смеясь, плетут венки. Обе такие счастливые.

Дождь. Молодая женщина лежит в гробу, усыпанная цветами. Рядом большой широкоплечий мужчина... отец девочки. Он не отрываясь смотрит на гроб, рядом с ним стоит бледный как снег испуганный паренек. Брат. Сама девочка, захлебываясь слезами, стоит чуть в стороне, уткнувшись в передник пожилой женщины.

С веток деревьев слетают последние желтые листья, под ногами похрустывает первый ледок. Девочка садится в крытую повозку, оглядываясь, смотрит последний раз на большой дом. Хлесткий ветер бросает в лицо пригоршню первых снежинок. Пора, ее ждут в женском монастыре. Теперь монахини займутся ее воспитанием.

Такая тоска сдавила мою грудь, что я чуть не задохнулась. Вдохнула посильней, прохладный воздух хлынул в легкие, от неожиданности закашлялась. Голову сразу приподняли, давая мне отдышаться.

— Очнулась, деточка! Слава богам!

С огромным усилием разодрала глаза, моргая и щурясь. Прямо в лицо светило яркое солнце, вызывая слезы. С трудом удалось сфокусировать взгляд. От напряжения начало пульсировать в висках. Раз я чувствую боль, значит, по-прежнему жива.

И я определенно в лесу! Вокруг дерева, совсем рядом горит костер, давая живительное тепло. Мое тело завернуто в старое одеяло, жесткое и колючее.

У соседнего дерева паслась лошадь, а у костра хлопотала женщина в странном одеянии монахини. Даже отсюда видно, что сшито оно из грубой, словно домотканой ткани. Да и фасон немного незнакомый, хотя я не очень разбираюсь в моде церковных одеяний.

Волосы падали на глаза, закрывая обзор. Я подняла руку убрать непослушный локон и замерла, глядя на пальцы. Где мой безупречный французский маникюр? Ногти на руке коротко и неровно пострижены, ни намек на лак.

Подхватила пальцами волосы. Локон длинный, я никогда такой длины не носила, особенно последние годы, предпочитая короткую стрижку, которая значительно сэкономила мне время на укладку.

— Ох и напугала ты меня, милая! — послышалось над самым ухом. И только сейчас я осознала, что моя голова лежит на коленях у женщины в длинной шерстяной юбке.

— Нянюшка!

Сама не поняла, как это слово сорвалось с моих губ.

— Очухалась. — Монахиня у костра тоже заметила, что я пришла в себя. — Давно пора, нам бы затемно до постоянного двора добраться.

— А я вам, сестра Лусинда, сразу сказала, что можете назад ворочаться. Я барыню встретила и домой сама доставлю. Авань повозка и не опрокинулась бы! И кровиночка моя в реку-то не упала бы!

Женщина, у которой я так и лежала на коленях, прозрачно намекала на излишний вес сестры Лусинды. Женщина действительно поражала своими объемами.

Монахиня зло зыркнула в нашу сторону и отвернулась.

Я попыталась сесть. Голова немного закружилась, деревья покачнулись, грозясь опрокинуться, но меня придержали заботливые руки.

— Каталина, деточка моя, сейчас, сейчас я тебя горячим отваром напою.

Женщина встала, поправляя длинную широкую юбку. Платок на голове скрывал ее волосы. Толстая кофта из валяной шерсти была украшена оторочкой из овчины. Я с удивлением разглядывала странную одежду, а когда глянула в лицо, то сразу узнала ту самую женщину, которая обнимала маленькую девочку там, в моем сне. Она стала много старше, но осталась легко узнаваемой.

Похлопотав у костра, женщина принесла мне большую глиняную кружку, от которой валил пар.

— Горячее, не обожгись, — протянула она мне кружку.

Я обхватила ее двумя руками, наслаждаясь теплом, согревающим ладони. От отвара приятно пахло травами, с удовольствием сделала первый глоток. Горячее варево согревало продрогшее тело, возвращая к жизни.

Вскоре прошла и головная боль, и озноб. Оставался только вопрос: что со мной приключилось? Его-то я и озвучила.

— Что случилось? Ничего не помню.

— Да как же, деточка моя? Аль ты головой сильно стукнулась?

Женщина, которая в моем сознании стойко ассоциировалась со словом «нянюшка», всплеснула руками и принялась ощупывать мою голову.

Ее шершавые пальцы ласково рылись в моих волосах, слегка царапая нежную кожу, пока не нащупали что-то на затылке.

— Ох, шишка, что твоя слива! Ничего, я тебе мази приложу, как рукой снимет!

Пока нянюшка проводила все эти манипуляции, сестра Лусинда подозрительно посматривала на меня. Узкие губы, сжатые в тонкую полоску, явно намекали на ее недовольство. Под этим взглядом я поостереглась расспрашивать дальше, что же на самом деле произошло.

Допив отвар, вернула кружку нянюшке.

— Как ты, деточка?

Сердобольная женщина заглядывала мне прямо в глаза, и я видела, что ее забота искренняя. Она действительно беспокоилась о моем состоянии, в отличие от сестры Лусинды, которая, фыркнув, отвернулась.

— Все хорошо, нянюшка, только устала очень, можно я еще немного полежу?

— Полежи, полежи, деточка.

Меня снова заботливо закутали в жесткое одеяло, которое нещадно кололось, а под голову подсунули большую сумку из грубой кожи, донельзя затертую и старую.

Свернувшись калачиком и подтянув колени повыше, прикрыла глаза. Мне требовалось время, чтобы обдумать и понять случившееся.

Итак, что последнее я помню?

Помню, как, расставаясь с подругой Юлькой, едва сдерживала слезы, как села за руль машины и поехала в аэропорт. На повороте, у самого моста, нажала на тормоз, вот только педаль провалилась, а машина, набирая скорость под уклон, словно в замедленной съемке, пробила ограждение и носом вперед полетела вниз. Как так могло случиться, ведь Андрей только сегодня забрал машину с техобслуживания?

Вспомнились суетливые движения мужа, когда он совал мне в руки ключи, как отводил взгляд. Неужели он? Решил от меня избавиться? Опоздал, милый! Хотя я бы даже сказала ему спасибо, его стараниями я не буду доживать свои последние дни в страдании и боли.

Осталось понять, где я и что со мной происходит.

На ум приходило два варианта, и первый — я все же выжила и сейчас в коме под капельницами вижу очень красочный сон.

Вариант второй: люди не врут и жизнь после смерти существует. Только моя почему-то началась сразу во взрослом теле. Кстати, а сколько мне лет? Нянюшка называет меня «деточкой», но это тело точно не принадлежит ребенку. Скорее подростку, судя по тоненьким пальчикам и узеньким ладошкам.

В первом варианте от меня ничего не зависит и я могу лишь мечтать никогда не приходить в сознание. А вот если меня действительно отправили «на перерождение», то нужно потихоньку подстраиваться под новую жизнь, стараясь не выдать себя. Неизвестно, как тут к таким переселенцам, как я, относятся. В памяти еще свежи уроки истории о гонениях инквизиции. Вдруг здесь тоже есть что-то подобное.

Тогда для меня самым опасным человеком в этой троице является сестра Лусинда, от ее цепкого взгляда у меня по всему телу мурашки.

А вот нянюшка вызывала у меня только позитивные эмоции. Да и широкоплечий бородатый мужик, Касьян кажется, хлопотавший у старой облезлой повозки, тоже не казался опасным.

Из-под ресниц я наблюдала за всем, что происходило на поляне, пытаюсь понять, куда же попала.

Судя по тому, что повозка на лошадиной тяге, одна штука которой паслась неподалеку, пощипывая первую весеннюю травку, автомобилей здесь нет. Хотя не факт, может, меня забросило в такую тьмутаракань, где проще вот так, на лошадке.

Хотя убогая одежда, сплошь из натуральных материалов, прозрачно намекала, что я отнюдь не в современном мире. Скорее, в средневековье.

На ум пришли вши, крысы и стойкое амбре ночных горшков, выливаемых прямо на улицу.

Голова сразу нещадно зачесалась, словно по ней табуном проскакала толпа мелкой живности. Рука сама потянулась вверх и с непривычки сразу же запуталась в длинных волосах.

А еще я нащупала на затылке ту самую шишку. Видимо, именно она была виновницей того, что это тело осталось без своей законной хозяйки и приняло меня. Я все же решила, что для меня предпочтительней версия номер два, что я попала в другой мир и теперь буду здесь обживать.

Я наконец согрелась, и моя деятельная натура жаждала знаний. Все, что происходило на поляне, я уже рассмотрела во всех подробностях. Хотелось бы почерпнуть немного информации из разговоров, вот только сестра Лусинда надменно держалась в стороне и не желала вступать в беседу. А нянюшка и Касьян перебрасывались ничего не значащими фразами, в основном касающимися ремонта повозки.

— Готово! Можно ехать! — наконец объявил он.

Нянюшка засутилась, собирая вещи и относя их к повозке. Я было попыталась встать и помочь, но оказалось, что у меня нет обуви. Сухие веточки и трава слегка покалывали ноги, не привыкшие ходить босиком. Земля была прохладной и слегка пружинила под ступнями.

— Да что ты! — вновь взмахнула руками нянюшка. — Ты свою обувку, видать, в реке утопила. Геть в карету и ноги в одеяло закутай!

Карета, как гордо ее именovala нянюшка, представляла собой большой облезлый ящик на высоких деревянных колесах, обитых металлическим ободом. Внутри, друг напротив друга, две широкие деревянные лавки, донельзя жесткие и неудобные.

Я уселась в уголок, вновь закутавшись в одеяло. В карете пахло старым тряпьем, и я не сразу поняла, что это от того самого одеяла. Просто на свежем воздухе этого не замечала. Но в повозке было даже холодней, чем на улице, посему только плотнее завернулась в этот старый замызганный кусок шерсти.

Следом за мной в карету забралась сестра Лусинда. Повозка сразу просела, жалобно скрипнув. Видимо, нянюшка была права: именно монахиня была причиной поломки колеса. Старая хлипкая конструкция просто не выдержала богатyrского веса женщины.

Последней в повозку забралась нянюшка, она опустилась на скамью рядом со мной. Карета заскрипела еще сильнее и наконец тронулась.

Уже через полчаса сидения на жесткой деревянной скамье у меня затекло то самое место, на котором я сидела. Да еще при этом оно ощущало каждую кочку и каждый камушек, попадавший под колеса. Я заерзала, стараясь устроиться поудобнее. К тому же было невыносимо скучно сидеть в этой раскачивающейся из стороны в сторону коробке, освещаемой только маленьким оконцем в двери.

Меня все же укачало в тряской карете и, привалившись головой к плечу нянюшки, я задремала.

Глава 3

Проснулась я от шума. В карете было пусто, а с улицы доносились незнакомые голоса и собачий лай.

Высунулась в приоткрытую дверь. Вечерело, солнце клонилось к закату. Видимо, я проспала несколько часов.

Мы остановились около большого двухэтажного здания с выгоревшей от времени вывеской. Кажется, мы добрались до постоянного двора, о котором упоминала сестра Лусинда. Она сама как раз стояла на крыльце этого самого заведения и разговаривала с высоким статным мужчиной. Рядом стояла нянюшка и указывала в мою сторону.

Мужчина кивнул, и сестра неторопливо, словно адмиральский крейсер, всплыла в дверь постоянного двора, а нянюшка поспешила ко мне.

— Проснулась, милая? А я насчет комнаты договорилась. Касьян с лошадей на сеновале спочует.

Нянюшка подхватила саквояж и, подав мне руку, помогла выбраться из повозки. Холодная земля напомнила, что я все еще без обуви, хорошо, под длинным платьем этого не видно. Поэтому я не отставала от нянюшки, мечтая поскорее оказаться в отведенной нам комнате. К тому же после путешествия в этом коробе на колесах, больше всего похожем на пыточную, ломило все тело.

Внутри пахло подгоревшим луком, кислым пивом и застарелым потом. Жарко пылал очаг, над которым висел вертел с поджаривающейся тушкой, сильно смахивающей на кроличью. От всех этих запахов желудок скрутило в тугой узел, и меня чуть не стошнило.

Но это оказалось не самое страшное. Пол был устлан соломой. И эта солома, видимо, здесь лежала уже не первый месяц. Прямо у меня на глазах один из постояльцев харкнул на пол и продолжил пить свое пиво, которое, кстати, тоже частично капало на покрытый соломой пол.

Да на улице намного чище!

— Комната на втором этаже, — потянула меня за собой нянюшка.

Ничего не оставалось, пришлось ступить босыми ногами на влажную, липнущую к ступням солому. Путь до лестницы я преодолела в рекордный срок и, поднимаясь по деревянным ступеням, попыталась незаметно счистить с ног приставшую грязь. С непривычки наступила на длинный подол и чуть не съехала вниз. Хорошо, нянюшка всегда держалась рядом, поддерживала под локоток.

— Намаялась, деточка! Я велела ужин сюда подать.

Ужин — это очень даже хорошо. Попыталась вспомнить, когда я последний раз ела. Кажется, больше суток назад, и то — чашку кофе. На том самом банкете в честь моего дня рождения, который сейчас казался только сном, я так и не смогла себя заставить съесть ни крошки.

А ведь у меня действительно сегодня настоящий день рождения! Только сейчас эта мысль пришла мне в голову. Кто бы подумал, что не всерьез загаданное желание — начать все сначала — исполнится!

Крохотная комнатка с узкой кроватью и табуреткой, на которой стоял небольшой таз и кувшин с водой, — вот и вся скудная обстановка наших апартаментов. Но сейчас я была рада чему угодно, мечтая просто вытянуться на кровати. Больше всего обрадовалась тазу и кувшину с водой. Пока нянюшка на минутку вышла из комнаты, я успела помыть ноги и теперь чувствовала себя почти счастливой.

Хотела вылить грязную воду в окошко, но оказалось, оно не открывается, рама затянута небольшим мутным куском слюды, который едва пропускает свет. Воду пришлось вылить в ночную вазу, которая ожидаемо нашлась под кроватью.

Нянюшка вернулась с огарком свечи и дородной рябой девкой, несшей поднос с нашим ужином. В животе предательски заурчало.

Плюхнув поднос прямо на кровать, девица молча развернулась и вышла.

На подносе лежали куски мяса, видимо, того самого кролика, что запекался на вертеле, полкраюхи ноздреватого свежего хлеба и кружка с отваром. Ухватив прямо руками еще горячий кусок мяса, я с наслаждением впилась в него зубами.

Только доев первый кусок, заметила, что нянюшка так и стоит, прислонившись к стене.

— Нянюшка, а ты что не садишься ужинать?

— Да я краюхой хлеба обойдусь. А тебе силы нужны, вон худенькая какая. Видать, тебя сестры в монастыре голодом морили.

Убогая комнатенка, старенькая, рассыпающаяся на ходу карета. Штопаная-перештопаная одежонка.

— Нянюшка, у нас нет денег заплатить за второй ужин? Все так плохо?

— Да что ты, деточка, я просто не голодна.

— Не лги мне, нянюшка. Я же все вижу. Садись лучше, поешь со мной. Здесь на двоих хватит. Да Касьяна нужно тоже покормить.

Нянюшка смахнула уголком платка набежавшую на морщинистую щеку слезу и села рядом со мной.

— Вот всегда ты, Каталинушка, сердобольной была — вся в мать! Не то, что батюшка твой окаанный!

— Ты ешь, нянюшка, ешь да Расскажи мне все. Я ведь действительно почти ничего не помню. — Я чуть ли не силком сунула ей в руку кроличью ножку.

Глава 4

Рассказа о том, как жила прежняя хозяйка доставшегося мне тела, пришлось дожидаться сидя на кровати, закутавшись в тонкое одеяло, которым она была застелена. Сквозняки гуляли по комнате, забираясь под подол платья к босым ногам.

Нянюшка степенно разделила со мной вечернюю трапезу, а остаток по моей просьбе отнесла на сеновал Касьяну.

Вернулась она с большим тюком под мышкой.

— Что это? — удивилась я, рассматривая мешок с соломой, который женщина бросила на пол у самой кровати.

— Так тюфяк у хозяина выпросила, подле тебя лягу, на вторую-то комнату у нас денег нет.

— Ты что, на полу спать собралась? — возмутилась я.

— Так где ж мне еще ложиться? — Нянюшка выглядела слегка растерянной.

— Со мной на кровати ляжешь! Здесь такие сквозняки и пол ледяной. Простынешь еще.

— Да как же можно с барыней в одной кровати? Не дай боги, батюшка прознает!

— Никто не прознает, а вдвоем теплее будет. Забирайся ко мне да Расскажи, почему у нас денег нет.

Я вспомнила картинки из своего сна. Там родители девочки не бедствовали, вещи на них были новыми и, вероятнее всего, дорогими. Платья с кружевами и лентами, а у мужчин камзолы с блестящими пуговицами наводили на мысль о достатке.

— Так это все война проклятушая, да потом и батюшка твой руку приложил...

Нянюшка запнулась и глянула на меня, ожидая реакции.

Я одобряюще ей улыбнулась.

— Нянюшка, милая, Расскажи мне все-все, я почти ничего не помню. Только маму чуть-чуть.

— Бедная моя девочка! — вновь запричитала женщина.

— Ведь предупреждала матушка твоей маменьки, что в мужья надобно брать ровню себе. Но твой батюшка так красиво за ней ухаживал, так добивался ее любви, что она сдалась. Баронесса Амелия Снежная назвала своим мужем обычного дворянина средней руки. Батюшка твой и титула никакого не имел, а после свадьбы принял фамилию твоей матушки, став Натаном Снежным.

Как, однако, затейливо судьба складывается, моя фамилия в прежнем мире практически повторяет ту, что я получила здесь. И теперь я баронесса Каталина Снежная.

А нянюшка тем временем продолжала свой рассказ:

— Хорошо они жили, счастливо. Батюшка твой супругу свою, маменьку твою, на руках носил, души не чаял, сердечком своим называл. А Амелия первенцем подарила ему сына, твоего брата Питера. Батюшка твой такой счастливый ходил, сына любил без памяти, пестовал, баловал безмерно. И все хорошо было, жили душа в душу, да вот снова понесла маменька твоя, но роды тяжелые случились, думали, не выживет ни баронесса, ни дитя. Да видать, богам угодно было, чтобы ты на свет появилась. Маменька твоя с того времени и занемогла. Здоровьем очень слаба стала. Отец твой тебя во всем винил, мол, повитуха тебя спасала во вред супруге его. А как не спасать, когда маменька твоя слезно просила дите сберечь, жизнь готова была отдать, лишь бы ты жила!

В моей памяти вновь возник образ молодой, очень красивой женщины и маленькой девочки рядом. Несмотря на бледность и худобу, она выглядела очень счастливой. Глаза, когда она смотрела на дочь, светились добротой и нежностью.

— Померла твоя маменька, когда тебе еще и девяти лет не исполнилось, а брату твоему пятнадцатый годок шел. Горевал он очень по маменьке своей, а уж ты в слезах заходилась, аж лекаря вызывать пришлось. Все ко мне жалась, я ж с тобой с самого рождения, на моих руках ты выросла. Да только не стало маменьки твоей, отец и раньше тебя не привечал, а теперь и думать забыл. Воспитанием сына занялся. Вспомнил о тебе, когда из города учителя прибыли, которых еще маменька наняла. Учителей барон восвояси отправил, а тебя к сестрам в монастырь на воспитание. С глаз, значит, долой. А через три года старый наш король Ливий решил пойти войной на соседей. Да соседи крепким орешком оказались, вот и призвал король всех своих подданных на войну. Отец твой пошел, да и Питеру восемнадцать годков к тому времени исполнилось. Самое время в воины идти.

Длилась та война без малого пять годин. Соседи не только отпор дали, так еще половину нашей страны завоевали. В нашем баронстве жаркие бои шли. Половину деревень выжгли.

Да тут старый король-то помер, а на трон взошел его сын Дарий. Он-то войне конец положил, с соседями мир заключил. Да только в последних боях погиб брат твой, Питер.

А батюшка полруки потерял, мечом отсеколо. Чудом лекари выходили. А как вернулся он домой в порушенный дом да узнал, что Питера уже в живых нет, так и запил. Три годка уже пьет. Что война не смела, то баронской рукой за питье хмельное продано аль выменяно.

Нянюшка тяжело вздохнула, я только теснее прижалась к теплому боку женщины, ловя каждое ее слово.

— А что не продано, то заложено. И никто барону больше в долг не дает. Остались нетронутыми только три деревеньки да сама усадьба, маменькой еще при жизни тебе завещанные. Она их в свою очередь от своей матушки получила — наследство, знать, это ваше, по женской линии передаваемое. Мужья-то над ним власти не имеют. Вот их-то батюшка твой и заложил, продать-то твое наследство он не в силах. А кредиторы-то у порога, грозятся шею ему свернуть.

Вот тут он про дочь свою единственную и вспомнил! Да только и ты, пока тебе двадцать годков не исполнится, имуществом тем распоряжаться не можешь. Не продашь. Если только замуж не выйдешь. Вот барон и сговорился с соседом, чтоб тебя, голубку, тому замуж отдать, а самому приданым твоим распорядиться.

Ничего себе папенька! Да как так можно, родную дочь, пусть нелюбимую, за выпивку продать? Интересно, кому он там меня сосватал? Я замуж не хочу! Была уже, хватит!

— Скажи, нянюшка, а что сестра Лусинда, она-то здесь зачем?

— Так ты и этого не помнишь? Ты же все эти годы при монастыре жила на попечении сестер. Постриг принять собиралась. А как только б приняла, все твое наследство монастырю сразу бы перешло. Всего два годочка до пострига-то оставалось. Батюшка твой аж три письма матери настоятельнице написал с приказом домой тебя доставить, грозился до самого короля с жалобой дойти, что, мол, кровиночку родную не отпускают, а ее жених дома дожидается.

В свете открывающихся обстоятельств тяжелые взгляды, бросаемые на нас сестрой Лусиндой, становились понятны. У монастыря прямо из-под носа увели очень жирный кусок. Вот только мне так и неясно, зачем она в дорогу с нами отправилась.

— Нянюшка, а зачем она с нами едет, ведь я уже не в монастыре, домой еду?

— Так мать настоятельница наказала, чтоб присмотр был, монастырь, мол, за тебя отвечает, пока домой не воротись. Вот сестра с тобой и поехала. Я ей уж говорила, что встретила баронессу, кровиночку мою, и домой доставлю в целости и сохранности. Так она уперлась, говорит, мало ли что в дороге приключиться может, дороги-де сейчас опасные, а она какая-никакая защита.

— И чем же она защитить может? Разве что молитву прочтет!

Хотя, глядя на габариты сестры Лусинды, можно было реально испугаться. Ей бы в гренадерском полку служить, а не в монастыре. Вон и колесо у повозки не выдержало ее веса, за что моя предшественница жизнью поплатилась!

И тут одна мысль пришла мне в голову.

— А скажи, нянюшка, если бы я там в реке утопла, кому бы мое наследство досталось?

— Пока ты под опекой монастыря, монастырю бы и досталась...

Я почувствовала, как напряглось тело женщины. Видимо, ей в голову пришла та же самая мысль, что и мне. Что неспроста я в реку сверзилась, знать, сестра не побоялась грех на душу взять за наследство мое.

— Ноги больше ее не будет в нашей карете! Так ей утром и скажу, пусть восвояси ворочается! До усадьбы всего ничего осталось. Не будет у ней больше власти над деточкой моей! — горячилась нянюшка.

А я приподнялась на кровати, всматриваясь в тусклом свете догоравшей свечи в дверь. Хлипенький запор, такой вышибить ничего не стоит!

Соскользнула на пол, путаясь в юбке. Взяла колченогий табурет, вместе с тазом и кувшином поставила к самой двери. Удержать не удержит, но шума наделает! Что-то мне подсказывало, что сестра Лусинда так просто от идеи избавиться от меня не откажется, а сроку у нее осталось всего-то несколько часов.

Задула огарок свечи — еще пожара нам не хватало, забралась назад на кровать, ближе к стенке, натянув одеяло до подбородка.

— Спи, нянюшка, спи. Силы нам еще завтра понадобятся.

На узкой кровати было тесно, но зато тепло, по комнате все так же гуляли сквозняки. И как только они здесь живут в таком холоде?

Снизу доносился глухой шум, мужские выкрики, женский смех, позвякивание посуды. Думала, не засну, ведь до этого в повозке несколько часов кряду проспала. Но видимо, усталость и нервное напряжение взяли свое, и вскоре, словно закачавшись на волнах, я унеслась в сон.

В этот раз снился мне монастырь. Крохотная, чисто выбеленная комнатка. Узкая кровать, шкаф, в котором заняты только две полки моими нехитрыми пожитками. Всю одежду мне выдавали в монастыре, своей-то у меня не было.

Стол, на котором лежат несколько церковных книг, затертых от частого чтения. Я еще не окончила читать утреннюю молитву, когда дверь отворилась и в комнату заглянула рябая Феклуша, худая, словно палка.

— Каталина, собирайся скорее. Тебя мать настоятельница к себе зовет.

И вот я семеню за Феклой по длинным каменным коридорам к кабинету матери настоятельницы. Я всегда робела в присутствии этой строгой женщины. Сейчас ее высокий красивый лоб хмурился. В молодости она, видимо, была очень хороша собой, даже годы не смогли стереть с ее лица утонченные благородные черты.

В руках мать настоятельница держала исписанный лист бумаги, но стоило мне войти, как она брезгливо отбросила его от себя. Тонкие красивые пальцы нервно выбивали дробь по краю дубового стола.

Взмахом руки она отослала Феклу из кабинета, мы остались вдвоем в большой уютной комнате. Под ногами мягкий пушистый ковер, у стены пылает камин, от него по комнате расходит приятное тепло.

— Каталина! Дитя мое, твой батюшка вновь прислал письмо, в коем извещает нас, что дома тебя ожидает жених. Придется тебе вернуться к батюшке.

Я упала на колени к ногам этой властной женщины, причитая:

— Матушка! Не отсылайте меня, мой дом здесь!

Что-то словно дрогнуло в лице этой женщины, и она уже более мягким тоном продолжила:

— Дитя мое, я всецело на твоей стороне, но батюшка твой грозитя пожаловаться королю, если ты завтра же не отправишься в путь. Сестра Лусинда будет сопровождать тебя в дороге, всецело полагайся на нее!

Словно в подтверждение ее слов, открылась дверь и на пороге появилась сестра Лусинда. Одновременно с этим зазвонили колокола, созывая всех на утреннюю молитву.

Звон стоял такой, что я подскочила на кровати, озираясь в темноте. Спросонья не поняла, где я и что случилось.

Проморгавшись, увидела светлый прямоугольник открытой двери, а в нем сестру Лусинду с подушкой в руках. У ее ног лежал таз, свалившийся с табурета, когда она открыла дверь.

Из коридора послышалась ругань. Кажется, мы перебудили весь этаж!

— Сестра? Вам что-то нужно?

Я постаралась сказать это твердым голосом, потому что прекрасно понимала, что ей было нужно. Дверной засов выбит и качается на одной петле. А в руках сестра так мнет подушку, что из нее труха сыплется.

Нянюшка соскочила с кровати и, воинственно вытолкнув монахиню из комнаты, прикрыла дверь. Из коридора все еще доносились ругательства, которым я только порадовалась, авось при свидетелях сестра Лусинда побоится сюда вернуться.

Сидела на кровати, подтянув колени к подбородку, и напряженно всматривалась в дверь. Сон как рукой сняло.

Нянюшка вернулась нескоро, зато очень довольная. Велела мне собираться.

— Сейчас выезжаем, не будем утра дожидаться. Касьян лошадь запрягает. К обеду уже и дома будем.

Вот и хорошо! Остаться в комнате без запора было откровенно страшно. Уж лучше в повозке, которую я уже считала частью родного дома.

Вспомнила, что опять придется идти через зал, устланный грязной соломой, а обуви у меня так и нет. Зато есть полотенце — кусок грубой серой ткани, который прилагался к тазику и кувшину. Разорвала ткань на два куска, обмотала ими ноги. Будем считать это компенсацией за хлипкие запоры на дверях.

В нижнем зале было пусто и тихо. Пару раз наткнулась на лавку и стол. Света не было. Только над дверью висел одинокий фонарь, словно маяк для запоздавших путников.

Касьян стоял у повозки, поглаживая по гриве чуть слышно фырчавшую лошадку. К утру стало намного холодней. Над дорогой стелился белой дымкой туман. Ранняя весна, скорее всего конец апреля. Трава покрылась серебристыми капельками росы. Листочки на деревьях только-только проклюнулись, доносилось щебетанье каких-то птиц.

Первой села в карету, устраиваясь на жесткой скамье. Следом забралась нянюшка. Я обеспокоенно глянула на нее, стараясь в темноте разобрать выражение ее лица. Не удержавшись, спросила:

— Что там случилось, нянюшка?

Женщина поерзала на скамье, усаживаясь поудобнее.

— Соглядатайке этой наказала, чтоб восвояси ворочалась, мы без ее помощи доберемся. Пока очухается, мы уже далеке будем. Свободных лошадей на постоялом дворе сейчас нет. Сама вечером слышала, что хозяйская лошадь подкову потеряла, к кузнецу утром поведут. В нашу сторону никто не направляется, так что не догнать ей нас! А там уже и дома будем, и власть ее над тобой закончится.

Вот это нянюшка! Настоящий Штирлиц! Все разузнала и такую комбинацию провернула, то-то она просила меня не шуметь, тихонько спускаясь по лестнице.

— Ты поспи, нянюшка, а мне подумать нужно, может, я что и вспомню.

Пожилая женщина явно нуждалась в отдыхе, хоть и держалась молодцом.

Нянюшка легла на противоположную лавку, положив под голову старенький саквояж, и вскоре задремала, тихо похрапывая. А я действительно задумалась, вспоминая и анализируя все, что приключилось со мной в последнее время.

Глава 5

Странно, но моя прежняя жизнь словно подернулась туманной дымкой, в какой поутру увязали копыта нашей лошадки. Словно я спала и видела красочный сон, а сейчас резко проснулась.

Самым ярким пятном в нем были бабуля Анна и подруга Юлька. Как так случилось, что, многого добившись в жизни в плане бизнеса и материального благополучия, я больше ничего не достигла? Не завела ни ребенка, ни котенка. Все думала, что у меня впереди вся жизнь, а нет, вон как повернулось.

Муж... почему-то я была практически уверена, что именно Андрей поспособствовал моему падению в реку, а если это действительно так, то ему сильно не поздоровится! Юлька ни за что не поверит, что я решила уйти из жизни таким образом. А значит, она вцепится в моего муженька железной хваткой, словно ротвейлер, не оторвешь.

Зная ее методы работы, на сто процентов уверена, что у подруги уже собрана в папочку вся подноготная Андрея, времени у нее на это был целый месяц с того момента, как я рассказала о его измене. Мне не говорила, чтоб еще больше не волновать, но я видела, как она тайком прячет что-то, стоит мне только оказаться поблизости. Подруга щадила мои нервы.

А если это так, то муженек реально попал! Юлька со своими связями его похоронит, откопает и еще раз похоронит! Впрочем, он сам выбрал свою судьбу.

А какова моя судьба? Что ждет меня в этом новом, совершенно незнакомом мире? Почему-то именно сейчас я поняла, что все это реально. Поскрипывающая, грозящая рассыпаться прямо на дороге повозка, которую нянюшка гордо именovala каретой, и сама нянюшка, спящая на соседней лавке, и поднимающееся над полем солнце, краешек которого я видела со своего места в оконце. Вот прямо сейчас весь этот мир, он принял меня, признал своей.

Пересела ближе к дверце, полностью отдернула выцветшую ветхую занавеску, закрывающую окно. Стекла, конечно же, не было, и в лицо подул прохладный ветерок. Но ярко-желтый диск солнца, поднимающийся все выше в небеса, обещал жаркий день.

Мы ехали по грунтовой дороге, и позади кареты поднималась серой дымкой пыль. Луга, простирающиеся до самого горизонта, радовали глаз молодой зеленью. Иногда встречались небольшие рощицы. На деревьях только проклюнулись почки, и ветки были похожи на ажурные кружева. Сама не заметила, как начала улыбаться.

За всеми своими мыслями не заметила, как проснулась нянюшка и теперь задумчиво смотрела на меня. Она как-то изменилась, плечи расправились, спина стала ровнее, а с лица исчезло придурковатое добродушие — взгляд стал уверенным и серьезным. Да и сама она словно несколько годков скинула. Интересные метаморфозы, что бы там они ни означали.

— Нравится?

Она подвинулась ближе к окошку.

— Очень! — не стала я кривить душой.

— Эти земли всегда принадлежали роду Снежных, а теперь ты их хозяйка. И только в твоих силах возродить их былое величие.

В ее словах чувствовалась какая-то горечь и обреченность. Словно женщина не верила, что мне это по силам.

За окошком показались кособокие домики, крытые соломой. Босоногие дети, одетые в старенькую, латаную-перелатаную одежку, копошились прямо у дороги. Они побежали за нашей повозкой, подбадривая друг друга криками.

— А где взрослые? — вырвалось у меня.

Кроме детей, в деревне никого не было видно.

— В лугах все, оставшуюся скотину на выпас погнали. Да и мало после войны взрослых осталось, бабы одни. И то, у кого была возможность, уехали к родственникам или в город подались в поисках лучшей доли. Голодно здесь стало без хозяина.

— Как «без хозяина»? А чья это деревня?

Нянюшка недобро ухмыльнулась, я не узнавала в ней ту добродушную наседку, квохчущую над «своей деточкой».

— А твоя это деревня. Одна из трех, что входит в твое наследство. Батюшка твой оброк-то с деревенских не забывает собирать, а вот помощи и хозяйской руки от него не дождешься. Дальнее это.

— Если есть Дальнее, выходит, есть и Ближнее?

— Вспомнила, значит? Дальнее, Ближнее и Озерное и все прилегающие к ним земли. Это все твой батюшка так и не смог продать, отчего очень злился. К земле у него никогда тяги не было. Всем управляющий занимался. Да он тоже с войны не вернулся. Кто мог — разбежались. Остались те, кому идти некуда.

Я смотрела в окно на серые приземистые дома, словно припорошенные пеплом, покосившиеся заборы. Даже худенькие лица бежавших за нашей повозкой детей казались серыми.

На щеку сама собой скатилась одинокая слезинка.

Нянюшка положила на мою руку ладонь, успокаивая.

— Я хочу им помочь! — воскликнула я с горячностью, поворачиваясь к нянюшке и стискивая пальцами ее кисть.

В ее глазах я уловила что-то такое... Так родитель смотрит на своего ребенка, с нежностью и гордостью.

— Моя девочка! Вся в мать!

— Нянюшка, если не было управляющего и папенька не занимался хозяйством, кто за всем присматривал?

— В каждой деревне есть староста. Он и распоряжается всем, и оброк собирает. А в поместье экономка.

— Экономка?

Я сразу представила себе худую чопорную даму с большой связкой ключей на поясе.

— Да, экономка. И это единственный человек в поместье, на которого ты можешь всецело положиться.

Озорная улыбка скользнула по лицу женщины, чем вызвала мое недоумение.

— А как же ты, нянюшка?

Все эти перемены в облике женщины и ее последние слова начали меня пугать.

— Так я и есть экономка поместья!

Ее глаза лучились весельем. Видимо, мой испуг ее рассмешил. Она словно с каждым словом прошупывала меня, выводя на эмоции.

— Ты была слишком маленькой, наверное, действительно многого не помнишь. Моя семья служит роду Снежных верой и правдой испокон веков, матушка была экономкой в замке барона Снежного, твоего деда. А я пошла горничной к твоей матери, Амелии, и, хотя я была намного ее старше, мы с ней сильно сдружились.

Я была для нее не просто горничной, но и компаньонкой. Учителя, которых нанимали для Амелии, учили заодно и меня. Мои платья, конечно, были не такими роскошными, как у юной баронессы, но их тоже украшал шелк и кружево. А когда Амелия вышла замуж и получила в наследство это поместье, конечно же, я поехала вместе с ней!

А вскоре по приезде вышла замуж за управляющего поместьем, вдового, но очень симпатичного и веселого мужчину. Это были самые счастливые годы нашей жизни. Но потом все пошло наперекосяк. Так случилось, что я потеряла своего еще нерожденного ребенка, а Амелия чуть не потеряла тебя. Словно проклятье кто наслал. Она была так слаба, что мне при-

шлось взять уход за новорожденной девочкой на себя. Первое слово, которое ты произнесла, было «нянюшка».

Женщина улыбнулась, и морщинки вокруг ее глаз собрались солнечными лучиками. Она успокаивающе поглаживала мою руку ладонью.

— Беда не приходит одна, вскоре Амелии не стало. Натан, твой отец, чуть с ума не сошел от горя, словно потерял смысл жизни. На тот момент он был очень близок с Питером, забота о сыне заняла все его мысли. Правда, эта удушающая забота вскоре стала сильно того тяготить. Парень всеми силами пытался вырваться из-под отцовской опеки, потому и на войну пошел.

О тебе отец словно забыл, хотя он и до этого не жаловал дочь своим вниманием. А когда однажды ты попала ему на глаза, внезапно сильно разозлился и решил отправить тебя в монастырь. Слишком сильно ты походила на мать. Глядя на тебя, он каждый раз вспоминал о любимой жене, которую потерял навсегда. Никакие уговоры и мольбы не помогли, Натан был непреклонен, тебя отправили на воспитание к сестрам в монастырь.

Я старалась навещать тебя при любой возможности. Отправляла подарки. А потом началась война, все мужчины ушли, и забота о поместье целиком легла на мои плечи. Больше в поместье не было людей, обученных грамоте.

Вернулись не все. Не пришел назад и твой брат Питер, не вернулся мой муж, в деревнях остались одни бабы.

Женщина замолчала, словно вновь вспоминая те нерадостные события...

Я тоже молчала, стараясь не разрушить тоненькую ниточку взаимопонимания, протянувшуюся между нами. Нянюшка качнула головой, словно отгоняя грустные думы.

— Натан, как вернулся и узнал, что сына, который был смыслом его жизни, больше нет, так и запил. Что мог, продал. И остался от баронских земель этот малый клочок. Так он и его умудрился заложить. А как кредиторы прознали, что он на это права не имеет, не может распоряжаться твоим имуществом до твоего совершеннолетия или замужества, так начали осаждать поместье с угрозами.

Вот тут папеньке и пришлось тебя домой возвращать. Даже жениха тебе нашел. Соседа нашего, барона Мерзякина.

Словно тень набежала на лицо нянюшки, она и губы поджала, сложив куриной жопкой.

— Я не хочу замуж! — вырвалось у меня.

— Да кто ж тебя спрашивать будет? До своего совершеннолетия ты во власти батюшки своего.

— И сколько мне осталось до этого самого совершеннолетия?

— Два года!

Два года! Мне нужно продержаться два года, и я буду свободна!

— А что, нянюшка, жених-то каков из себя? Молод ли, хорош собой?

Рассматривать придется разные варианты. Возможно, мне удастся договориться с женихом, подождать два года со свадьбой.

— Пес он смердявый, а не жених!

Опаньки! У нянюшки даже ноздри раздуваются от гнева. И какую подлянку мне вновь подложил милый папенька?

— Старый он, словно пень плешивый. Но богатый — страсть, этого не отнять! Каким-то образом его поместье в войну не пострадало, а только богаче стало. И повадился он на старости лет жениться. Да все на молоденьких. Уже трех жен в могилу свел! Берет в невесты дочек обедневших дворян, а тут целая баронесса подвернулась! Он папеньку твоего целых два месяца поил да обхаживал, пока тот согласие свое на твой брак не дал.

А вот это уже конкретное попадалово!

— Нянюшка, я не хочу замуж! — заканючила я.

— А чего ты хочешь? Назад в монастырь?

— Нет, в монастырь я тоже не хочу! — твердо ответила ей.

— Вот это другое дело! А то как я тебя на тракте-то встретила, ты все ревела — в монастырь хочу да в монастырь хочу! Пока на мосту колесо у кареты не подломилось да ты из открывшейся дверки в реку-то не улетела. Да, думаю, не сама ты туда упала, не иначе сестра Лусинда помогла.

— Нянюшка, а почему ты тогда, как бы это сказать...

— Дурочкой прикидывалась? — с полуслова поняла она меня.

Я согласно кивнула.

— Не доверяю я монастырским, как чувствовала, что дело нечисто. Уж больно мать настоятельница тебя отпускать не хотела. Настоящего цербера тебе в сопровождение дала. А от придурковатой старой бабки кто таиться станет? На нее и внимания не обратят.

— Ну ты, нянюшка, настоящая актриса! — восхитилась я.

— Подъезжаем!

Она вновь легонько сжала мою руку, указывая на окно. Там на небольшом пригорке высилось красивое старинное здание с большими белыми колоннами, башенками и балконами, похожее на небольшой замок.

Грудь сжало, внутри словно разгоралось тепло, кровь быстрее побежала по венам, я сразу поняла: вот он, мой дом!

— Нянюшка! Я не хочу замуж и в монастырь не хочу! Хочу сама управлять своим помещением. Хочу, чтобы люди в деревнях не голодали. Чтобы земли вернули былое величие. Ты мне поможешь?

Глава 6

Сказочное видение дома с колоннами скрылось за деревьями. Лошадка не спеша тянула повозку по аллее, деревья которой напоминали обычные каштаны. На ветках уже набухли крупные шарики бутонов. Думаю, когда они распустят лепестки, здесь будет очень красиво.

С нетерпением я вглядывалась вперед, дожидаясь, когда же мы наконец приедем. Очень хотелось рассмотреть дом вблизи.

Но чем ближе мы подъезжали, тем явственнее виделись следы запустения. Обочины дороги украшали высокие пожухлые стебли прошлогоднего бурьяна, пару раз попадались погибшие деревья, на их ветвях так и не проснулись почки. Никто не потрудились убрать мертвые стволы, темнеющие, словно бельмо на глазу, в ряду подернутых зеленой дымкой деревьев.

Копыта лошадки зацокали по камням, которыми была выложена подъездная дорога. Впереди показались открытые чугунные ворота, одна из створок которых косо висела на покореженной петле. От ворот, насколько хватало взгляда, тянулся забор, сложенный из грубо обтесанного известняка.

Когда-то здесь было очень красиво, вот только декоративные кусты без должного ухода разрослись, а клумбы, видимо, пустовали не один год, на них также виднелись стебли бурьяна чуть ли не в мой рост.

Большой фонтан в виде неизвестного мне цветка был завален прошлогодней листвой и другим мусором, а сам дом вблизи оказался обшарпанным и подслеповатым. Многие окна были закрыты деревянными ставнями, на которых уже давно облезла вся краска. А белые колонны в темных подпалинах, словно вокруг них кто-то пытался развести костер.

Всего в доме я насчитала три этажа, не считая башенок, которые, видимо, имели чисто декоративное значение. Сколько же народа здесь проживало? Дом казался огромным!

— Сколько же человек здесь живет? — вопрос вырвался сам собой.

— Семь человек. Сам барон Натан Снежный, Касьян со своей женой Миной, нашей кухаркой. С ними проживает сын Гурий шестнадцати лет. Он помогает родителям по хозяйству. Отец Мины, Иппатий, когда-то был дворецким, а теперь слишком стар, чтобы исполнять свои обязанности. Да и некому сейчас прислуживать, в поместье практически не бывает гостей, кроме кредиторов и соседа, барона Мерзьякина. Иппатий прибыл в поместье вместе со мной и молодой баронессой, и его семья до последнего остается преданной роду Снежных.

Еще в доме проживает Несса. Девчушке всего четырнадцать лет, родители погибли, когда на территории поместья шли бои. Их деревня сгорела почти дотла, малышку нашли в погребе, куда ее успели спрятать родители. Родственников у девочки больше нет, вот я и взяла ее в дом помощницей. Несса прибирается в доме и помогает Мине на кухне и в огороде.

Вместе со мной всего семеро. Немного, но барон уже несколько лет не платит жалованье, все трудятся за пропитание и крышу над головой, хотя Касьян с семьей давно мог податься в город, ведь он на все руки мастер. Да и Мина — отличная кухарка, ума не приложу, как она ухитряется готовить, ведь погреба и кладовые давно пусты.

Безрадостная картина складывается. Даже не представляю, как в одиночку можно прибираться в такой махине. А еще дом ведь нужно протопить. Сейчас, судя по всему, ранняя весна, но ведь зима здесь, наверное, тоже бывает. Эх, нужно бы поскорее узнать о мире, в который я попала.

Нянюшка, конечно, многое может рассказать, но некоторые вопросы я не могу задать даже ей, иначе она заподозрит неладное. Пусть я могу забыть само поместье, это можно списать на то, что последний раз была в усадьбе много лет назад еще ребенком, но какие здесь времена года — это-то я должна знать!

Интересно, здесь есть библиотека? И умею ли я читать? Вроде Каталине нанимали учителей.

Пока все эти мысли хорОВОДОМ проносились в моей голове, карета остановилась у широкого каменного крыльца. В нетерпении, задрав юбку длинного платья, я первой выбралась из повозки. Обернувшись, подавая руку нянюшке. На ее лице сначала отразилось недоумение, она помедлила, но руку протянула.

Расправляя одежду, пробормотала:

— Никогда больше так не делай, ты баронесса, тебе по этикету не положено!

— Плевать на этикет, ты для меня единственный близкий человек. К тому же нас здесь никто не видит.

Нянюшка только недовольно покачала головой, поджав губы.

Касьян выложил из кареты наши пожитки в виде старенького саквояжа и, взяв лошадь под уздцы, повел ее за дом.

Я было уже потянулась к ручке саквояжа, но нянюшка строгим голосом окрикнула:

— Не смей! Тебе не положено!

Да что ж такое! Я понятия не имею, что мне по этому самому этикету положено, а что категорически нельзя.

В это время на ступеньках показалась худенькая девчушка в длинном сером платье и белом передничке. Она перескакивала через ступеньку, рискуя свалиться с лестницы, на ходу выкрикивая:

— Аграфена Гавриловна, Аграфена Гавриловна, беда! Беда у нас приключилась!

Девочка, запыхавшись, подбежала к нам, с интересом окинув меня взглядом, и снова запричитала:

— Аграфена Гавриловна...

— Несса! Поздоровайся как положено с госпожой баронессой! — одернула нянюшка девчушку.

Под ее строгим взглядом та выпрямила спину, расправила плечи и присела в поклоне, приподнимая пальчиками край юбки. Я кивнула ей в ответ. Как же сложно с этим этикетом!

Сама с интересом рассматривала девочку. Так это и есть та самая Несса, наша горничная? Худенькая фигурка, рыжие кудряшки спрятаны под белый чепец, симпатичное личико усеяно веснушками. Через пару лет эта малышка обещала превратиться в настоящую красавицу.

— А теперь рассказывай, что у вас здесь приключилось.

Нянюшка не сводила с нее строгого взгляда.

— Беда, беда приключилась! — вновь заторопилась Несса. — Аграфена Гавриловна, барин наш убится!

Сложенные перед собой на животе руки нянюшки дрогнули, а Несса, не замечая ничего вокруг, все так же тараторя, продолжила:

— Намедни полез в погреб за вином да с лестницы-то сверзился! Ушибся сильно. Мы его с тетушкой Миной едва наверх вытащили, а потом Гурий подоспел, до дивана в малой гостиной помог его донести. Так барин до сих пор в беспамятстве.

Нянюшка всплеснула руками и поспешила вверх по ступеням, приговаривая:

— Да что ж такое, на день нельзя оставить. Как дитя малое! И зачем его в погреб понесло? Там уже как два года ни капли вина не водилось!

Несса, подхватив саквояж, поспешила за нянюшкой, мне ничего не оставалось, как пойти следом. Каменные ступени охладили босые ноги, так и обмотанные тряпками, реквизированными на постоялом дворе. Перво-наперво нужно озаботиться обувью, так и простыть недолго.

Одна из широких створок двери была приоткрыта, я прибавила шаг, стараясь не отстать от идущих гуськом нянюшки и Нессы. За дверью в небольшом, совершенно пустом помещении

с мраморным полом было холоднее, чем на улице. Зябка передернула плечами и зашагала еще быстрее.

В большой гостиной первым, на что я обратила внимание, был огромный, в полстены, камин. Порядком вытертый ковер, пара кресел и небольшой столик намекали, что хозяева любили проводить здесь время.

Еще несколько диванов с выцветшей обивкой да пара этажерок — все, что осталось от бывшего убранства залы. Кое-где на стенах можно было заметить светлые пятна, вероятно, там висели портреты.

Засмотревшись, я чуть не упустила из виду фигурку Нессы, мелькнувшую за очередной дверью. Приподняв руками юбку, побежала за ней, и плевать на этикет — меня все равно никто не видит.

За дверью оказался широкий коридор со множеством дверей. Ближайшая была приоткрыта, за ней слышались голоса нянюшки и Нессы. В нерешительности замерла, за этой дверью находится человек, которого я должна называть отцом.

У меня возникло двоякое чувство — я никогда его не видела, но все же он был родителем девушки, тело которой я сейчас занимала. Пусть он не любил ее, сослал с глаз долой в монастырь. С другой стороны, теперь моя жизнь будет полностью зависеть от этого человека. Стыдно признаться, но я даже обрадовалась, услышав, что с бароном приключилась беда.

Нет, я не настолько кровожадна и никому не желаю смерти. Пусть с ним все будет хорошо!

Пересилив себя, я проскользнула в приоткрытую дверь. Малая гостиная действительно оказалась совсем небольшим помещением, в котором явственно чувствовался запах застарелого перегара и немытого тела.

Над диваном, стоящим у окна, склонились нянюшка и Несса. Подошла ближе. Лежащий там мужчина мало походил на живого человека. Очень худой, но с опухшим одутловатым лицом. Под глазами серые тени, нос красный от проступившей сетки сосудов, на лбу испарина. Рубаха, расстегнутая на груди, настолько замызганная, что невозможно угадать, какого она была цвета. Нижняя часть тела мужчины прикрыта пледом, но я все же заметила, что левый рукав завязан узлом под самым локтем. Нянюшка упоминала, что руку он на войне потерял.

Я смотрела на этого человека и понимала, что он мне совершенно чужой. Ничего у меня не дрогнуло, не всплыло воспоминаний, как это было с нянюшкой.

— Что же делать? Что же делать? — причитала она.

Сейчас нянюшка выглядела донельзя растерянной, от Нессы вообще было мало толку. Чем могла помочь эта девочка, практически ребенок? Вздохнув, я шагнула к дивану, ну не могу я оставить человека в беде!

Присела перед телом на колени, положила ладонь на лоб мужчины.

— Да у него жар! Почему до сих пор не позвали доктора?

Несса отвела взгляд, теребя передник.

— В поместье нет лекаря, а доктору из города нужно платить. Никто просто так в такую даль не поедет, — вздохнула нянюшка.

— Хорошо, будем справляться своими силами. Несса, вы, когда барина вытаскивали, никаких повреждений на его теле не заметили?

— Головой он о каменную ступеньку сильно ушибся. Там на лестнице кровь осталась.

Длинные, до плеч, волосы барона были давно не чесаны и сбились в колтуны. Пересиливая отвращение, стала ощупывать его голову. Действительно, на затылке волосы покрылись коркой запекшейся крови. Нашупала пальцами небольшую рану, кровь уже не текла, ранка слегка затянулась, но обработать ее обязательно нужно, как бы зараза какая не попала, тем более в такой грязи!

— Несса, принеси мне теплой воды да тряпку мягкую. И еще ножницы.

Девчушка сразу же унеслась исполнять мою просьбу.

— Нянюшка, помоги мне его немного приподнять.

Она с готовностью кинулась помогать, словно только и ждала команды к действию. Но стоило нам только немного пошевелить тело мужчины, как он глухо застонал.

— Подожди, кажется, у него ребра переломаны, — остановила я нянюшку.

Откинув плед, поморщилась от застоявшегося амбре. Кажется, барон не всегда успевал добраться до туалета и справлял малую нужду прямо в штаны.

— Нужно его раздеть.

— Да как же так? Он же мужчина! — заупрямилась нянюшка.

— В первую очередь он сейчас больной, которому требуется помощь, к тому же он мой отец! — напомнила я.

Охая и бормоча себе под нос, подозреваю, местные ругательства, она стала помогать мне снимать с ног барона сапоги и расстегивать рубаху. Вернулась Несса, за ней, неся в руках таз с водой, шел крепкий невысокий паренек.

Нянюшка таз у него отобрала со словами:

— Гурий, помоги барина раздеть.

Парень, с интересом искоса поглядывая на меня, споро стянул с барона штаны, и нянюшка сразу же накинула на того плед, пряча от девиц мужской срам. Затем все вместе мы приподняли тело больного, стаскивая с него рубашку.

На спине наливался огромный синяк, подтверждая мою догадку о сломанных ребрах. Значит, его нужно положить на ровную поверхность и постараться не тревожить лишний раз.

— Гурий, — обратилась я к парню, — может твоя мать отвар от жара какой сделать? И обезболивающее не помешает.

Парень понятливо кивнул.

— Несса, иди с ним, — скомандовала я.

Действительно, нечего ей на голое мужское тело глазеть.

Стоило молодежи выйти из комнаты, я взяла в руки ножницы и стала стричь барона. Нянюшка только глазами хлопала, глядя, как на пол падают длинные засаленные пряди.

Я, конечно, многое умею, но парикмахером мне быть еще не доводилось. Получилось не очень ровно, да и неудобно стричь лежащего в беспамятстве человека, но для меня сейчас первостепенной задачей являлось максимально очистить рану на голове.

Взяла тряпочку, намочила в воде и принялась обтирать лицо и голову барона. Рана выглядела совсем не страшно, запекшаяся корочка остановила кровотечение, красноты не наблюдалось, значит, не она причина жара. Возможно, кроме ребер, повреждены еще какие внутренние органы. Вот только я не врач, курсы оказания первой помощи, конечно, проходила, но чем еще можно помочь — совершенно не знала.

Вода в тазу стала совсем грязной, поменять бы. Вернулись Гурий с Нессой, неся большую глиняную кружку с дымящимся отваром и большую ложку.

— Вот, матушка сказала — от жара самое лучшее средство.

От кружки шел приятный травяной аромат.

— А вот это — обезболивающее.

Парень протянул мне початую бутылку. Взяв ее в руки, откупорила. Пахнуло дешевым спиртным.

— Никакого вина! — разозлилась я. — Чтоб в доме отныне ни капли спиртного не было!

Все с удивлением посмотрели на меня, а я, упрямо вздернув подбородок, отставила бутылку подальше.

— Гурий, барона следует помыть, сможешь попросить своего отца? Больше мужчин, как я поняла, здесь нет. И воду поменяйте, — кивнула я на таз.

Несса и Гурий снова унесли, прихватив с собой таз с грязной водой, а мы с нянюшкой принялись поить больного отваром. Я приподняла ему голову, а нянюшка ложкой вливала отвар ему в рот.

Через несколько минут дыхание мужчины вроде стало ровнее.

Вернулся Гурий, ведя за собой отца.

— Касьян, я знаю, что ты очень устал, но видишь, какая у нас беда приключилась. Нужно барона помыть, да поаккуратнее, сильно не вертите, он, кажется, себе все ребра переломал, — отдала я распоряжения, отходя в сторонку.

Теперь здесь и без меня справятся.

— Нянюшка, мне бы самой помыться и переодеться.

Женщина сразу ожила, губы тронула легкая улыбка.

— Я твою старую комнату подготовила. Несса, бери саквояж, поможешь госпоже баронессе ванну принять!

Прихватив с собой бутылку вина, стоявшую на столике, пошла следом за нянюшкой.

Глава 7

— Твоя комната в этом же крыле дома, рядом с моей. Так уж случилось, что, пока Амелия болела, всю заботу о тебе я взяла на себя, потому и комнату твою рядом с моей разместили. Так она здесь и осталась. Хозяйские-то покои все на втором этаже располагаются, — рассказывала нянюшка, пока мы шли по коридору.

Наши с ней комнаты размещались в самом конце крыла. Здесь же был выход на небольшую террасу и в сад. Очень удобно, если не хочешь, чтобы тебя видели в большой гостиной.

Нянюшка открыла дверь и отступила на шаг, пропуская меня вперед.

Большая комната, обитая светлой тканью. Кровать под балдахином заправлена стеганым покрывалом, поверх разложены несколько маленьких подушечек и тряпичная кукла.

Следуя какому-то порыву, я подошла к кровати, поставила бутылку с вином на прикроватную тумбочку и, взяв в руки куклу, прижала ее к груди.

— Агнесс... — это имя само сорвалось с губ.

— Амелия лично сшила ее для тебя, а ты дала кукле имя принцессы Агнесс из твоей любимой сказки.

Нянюшка грустно улыбалась, лучики морщинок веером собрались в уголках глаз. А не такая уж она и старая! Хотя в этой странной одежде кажется совсем старушкой.

Несса поставила саквояж у кровати и с интересом смотрела на меня с непосредственностью любопытного ребенка.

Я, все так же прижимая куклу к груди, прошла по комнате, касаясь рукой то старого комода, где стояла вазочка с букетиком первоцветов, то стеллажа, на котором лежали старые игрушки: фарфоровая кукла в пышном платье, деревянная лошадка, крошечный веер и другие мелочи. Небольшой камин с горкой поленьев, статуэтка собачки на каминной полке.

Дойдя до пузатого шкафа на резных ножках, открыла створки. На плечиках висели несколько детских платьев. Я даже узнала одно из моего сна. Все это хорошо, вот только я бы сейчас предпочла, чтобы в моем шкафу висела одежда, которая пришлась бы мне впору. Да и обувь не помешала бы.

— Барон никогда не заходил в твою комнату, поэтому здесь все осталось так, как было еще при тебе. Все остальные комнаты основательно опустошены. Что-то растащили еще во время войны, остальное хозяин распродал, — вздохнула нянюшка.

Захлопнув створки шкафа, я повернулась к ней. Ностальгировать о былой жизни, конечно, очень интересно, но у меня накопилась масса насущных вопросов, требующих безотлагательного решения.

— Мне бы помыться да переодеться.

— Водопровод в поместье уже несколько лет не работает, воду берем из колодца на кухне. Еще один колодец есть в саду за домом. Сейчас отдам распоряжение нагреть воды и наполнить ванну.

Нянюшка подошла к одной из стен и открыла дверку, которая практически сливалась со стеной так, что я ее сразу и не заметила. За дверкой располагалась ванная комната, из которой еще одна дверь вела в уборную.

Уборная меня заинтересовала особо. Деревянное кресло с дырой посередине. Дыра закрыта заслонкой, которая вручную отодвигается в сторону. Интересное устройство!

Вернулась к ванне, устройство которой для меня тоже было непривычно. Огромная круглая глиняная посуда чуть больше метра в диаметре. Отверстие в днище заткнуто деревянной пробкой. К посудине, она же ванна, из стены ведет глиняная же труба. Видимо, это и есть местный водопровод, ныне не работающий.

Это сколько же воды нужно, чтобы ее наполнить!

— Нянюшка, не нужно ванну наполнять, достаточно двух ведер воды. Вот только с одеждой что бы решить.

Женщина задумалась.

— Можно посмотреть на чердаке. Мы там Нессе кое-что подобрали, в сундуках еще много тряпья осталось, только там все старое, давно из моды вышедшее.

— Да не до моды сейчас! — махнула я рукой. — Пошли на чердак, а ты, Несса, пока воды для ванны мне организуй.

Положив куклу на кровать, двинулась за нянюшкой, которая повела меня назад в большую гостиную, к широкой лестнице с красивыми резными балясинами. Деревянные ступени, изрядно потертые ногами, давно нуждались в покраске. Но в остальном лестница была хороша, настоящее произведение искусства мастеров по дереву!

Двери на второй этаж оказались прикрыты.

— Барон не позволяет нам заходить на хозяйский этаж, — доложила мне нянюшка.

Представляю, какой там бардак.

Выше второго этажа лестницу покрывал толстый слой пыли.

— Комнаты на третьем этаже давно уже пустые. Всю мебель и ковры распродали. Пусто там, вот мы туда и не ходим. Да и рук для уборки не хватает, — виновато пояснила нянюшка.

На лестнице после нас остались две цепочки следов.

На чердаке царил полумрак. Углы изрядно затянуты паутиной. Бр-р-р, не люблю пауков! Поэтому старалась идти подальше от стен.

Чего здесь только не было! Старая поломанная мебель, какие-то ящики, сундуки, мешки. И в которых из них может быть одежда?

Решила открывать все подряд, может, на что стоящее натолкнусь.

В первом ящике лежали детские игрушки, судя по всему мальчишечьи. Открыла сундук — свернутые куски ткани, выцветшие от времени.

— Старые шторы, — пояснила нянюшка.

Женская одежда нашлась в третьем по счету сундуке. Женские платья, сорочки, подъюбки. Плащ, кажется, новый, но с вырванным клочком ткани на боку.

Я откладывала в кучку то, что мне должно подойти по размеру. У большинства платьев имелись пышные, в несколько слоев, юбки, которые я планировала попросту отрезать. Вот только, как ни искала, не смогла найти никакого нижнего белья. И тут мне в голову пришла мысль: возможно, здесь попросту еще не придумали ни трусов, ни бюстгальтеров.

«Сверкать тебе, Катерина, голой задницей!» — подумала я про себя, встряхивая очередное платье, которое отличалось от предыдущих простым фасоном и всего одной юбкой, идущей прямо из-под груди. Рукава фонариком, небольшой овальный вырез, украшенный кружевом. Немного широковато, но размер можно регулировать широкой атласной лентой под самой грудью. Его-то я и надену!

Кучка получилась приличная. Пришлось взять старую штору и сложить все пожитки на нее, соорудив большой узел.

Осталось найти хоть какую обувь.

Я прошла вглубь чердака мимо наваленной кучей старой мебели. Мелькнуло что-то знакомое. Зеркало... Старое, облупившееся, мутное зеркало.

Остановилась, не решаясь подойти. Очень хотелось увидеть себя в новом облике, но в то же время было отчаянно страшно: вдруг я косенькая или кривенькая? Как ни странно, но до сих пор я не задумывалась о том, как сейчас выгляжу, не до этого было.

Медленно приблизилась к зеркалу. В мутном стекле, словно в туманной дымке, отразилась худенькая фигурка совсем юной девушки. Тусклые длинные каштановые волосы торчали спутанной паклей, бледное личико с заострившимися скулами, почти прозрачная кожа, обвет-

ренные, потрескавшиеся губы. Да тебя что, голодом морили? Девушка явно недоедала и нечасто бывала на солнце.

Единственное, что выделялось на этом исхудавшем лице, — это глаза. Огромные, ярко-голубые, словно весеннее небо, в обрамлении длинных густых ресниц, они так и притягивали взгляд.

В стареньком платье, выданном сестрами монастыря, девица была больше похожа на нищенку, такую только на паперть милостыню просить. И это — дочь барона?

Я даже разозлилась, до чего девчонку довели! Злилась на папеньку, который практически отказался от родной дочери, на сестер из монастыря, на мать настоятельницу, положившую глаз на наследство, при этом пожалевшую для девочки кусок хлеба и приличную одежду.

Именно здесь и сейчас я для себя решила, что никогда больше Каталина Снежная не будет зависеть ни от кого, чего бы это мне ни стоило! В лепешку расшибусь, но стану независимой! Не дам помыкать собой! Раз высшие силы дали мне еще один шанс, использую его по полной!

Это решение словно придало мне сил, плечи расправились. Вот так, носик чуть вверх. Да у меня, оказывается, грудь есть!

Улыбнулась своему отражению. Очень даже симпатичная девица! Конечно, нужно привести тело и волосы в порядок, но для меня, королевы индустрии красоты, это не составит большого труда. А здесь есть с чем работать!

Настроение сразу поднялось, и я с энтузиазмом принялась осматривать остальные сундуки и ящики. Иногда попадались очень интересные и необычные вещи, о назначении которых я даже не догадывалась, а спросить постеснялась. Позже разберусь.

Больше всего порадовал ящик с обувкой. Сваленные вперемешку домашние туфли, сапоги, ботинки с высокой шнуровкой. Все добротное, кожаное. Пришлось планомерно выкладывать все на пыльный пол, подбирая пару и размер. Сразу сортировала отдельно мужскую и женскую обувь. Позже узнаю, как обстоит дело с одеждой и обувью у обитателей поместья, ведь в этих сундуках настоящий клад! Перешить, подогнать — и готова новая одежда.

Отобрала для себя ботиночки на низком каблучке, с потертыми носами, но крепкие и добротные. Новенькие атласные туфли пришлось впору, и меня совершенно не огорчило, что на одной туфельке не хватало узорной пряжки. Но больше всего порадовали меховые не то тапочки, не то коротенькие унты. Сразу же натянула их на ноги, для холодных мраморных полов самое то!

В результате нашей вылазки мы вернулись с двумя объемными тюками одежды и обуви.

Несса поджидала под дверью моей комнаты и сразу же отрапортовала:

— Вода для ванны готова, Гурий натаскал! Тетушка Мина велела передать, что обед будет подавать через полчаса.

— Спасибо, Несса, — поблагодарила я девчушку, толкая дверь и втаскивая в комнату свою ношу. Слабенькое тело было совершенно не приспособлено носить такие тяжести, еле отдышалась. В своей прежней жизни я привыкла по утрам делать зарядку и дважды в неделю посещала тренажерный зал. Видимо, нужно и здесь возродить эту традицию.

Вытащила из тюка так понравившееся мне платье. Сейчас помоюсь и сразу же переоденусь в приличную одежду. После пыльного чердака все тело чесалось, а подол платья окрасился в серый цвет. С каким наслаждением я сниму эту грязную тряпку! Попрошу сразу же сжечь его, чтобы больше ничто не напоминало о жизни в монастыре.

Прихватив платье, направилась в ванную. Нянюшка вошла следом, суетливо зашарила по полкам, достала странный коричневый кусок и протянула мне.

— Вот мыло. Специально для тебя сберегла! — гордо заявила она.

Странный кусок действительно оказался мылом, больше похожим на хозяйственное. Пахло от него соответственно. Вспомнились ящики с вонючими кусками фабричного мыла, стоящими когда-то у нас на балконе. Прямо дежавю.

Там же на полочке лежало льняное полотенце. В самой ванне стояли два ведра воды, от которых шел пар.

— Мне бы ковшик какой...

Я в растерянности заозиралась, выискивая подходящую посудину. В результате нянюшка принесла глиняную миску, и я собралась из нее поливать на себя воду из ведер. Вот только женщина не уходила, в ожидании глядя на меня. Раздеваться при ней я как-то стеснялась, а как сказать об этом и не обидеть — не знала. Выручила снова Несса, заглянувшая в комнату.

— Аграфена Гавриловна, там тетушка Мина вас кличет.

Нянюшка виновато глянула на меня:

— Я быстро.

В ответ я только кивнула и, как только за ней закрылась дверь, быстро стянула с себя опостылевшую одежду.

С каким же наслаждением вылила на себя первую миску теплой воды! Мочалки не оказалось, и я без сожаления оторвала лоскут от старого платья, намылив его мылом. Сейчас я была рада даже этому вонючему куску. С трудом промыла волосы, экономя воду. Кажется, словно несколько килограммов с себя сбросила!

Вытерлась полотенцем, растирая кожу до розового цвета, разгоняя кровь. Волосы обернула тем же полотенцем, соорудив на голове тюрбан. Только успела втиснуться в новое платье, как вернулась нянюшка. Увидев пустые ведра и меня с необычным сооружением на голове, констатировала:

— Управилась уже.

— Я привыкла в монастыре, — вырвалось у меня.

Нянюшка только тяжело вздохнула. Кажется, она корила себя за то, что не уберегла свою воспитанницу, позволила отдать на воспитание сестрам. Только это она зря. Не думаю, что от нее что-то зависело.

— Мне бы причесаться.

Нянюшка, словно получив команду к новому действию, ожила, засуетилась.

— Пойдем в комнату, причешу тебя, как раньше.

Усадив меня на табурет, она стала перебирать мои волосы руками, а затем расчесывать костяным гребнем, аккуратно распутывая свалявшиеся пряди. Эта копна волос меня откровенно пугала, не знаю, как я буду с ней справляться. Всегда предпочитала короткую стрижку.

Нянюшка заплела мне две косы и с помощью шпилек подняла вверх. Фена или другого приспособления для просушки здесь не было, и мокрые волосы легли на макушку тяжелым грузом.

Привычно стала обшаривать комнату в поисках зеркала, дабы оценить свой внешний вид. Зеркала не было ни в комнате, ни в ванной.

— Нянюшка, мне бы в зеркало посмотреться...

— Так где ж его взять? Дорогое удовольствие, в поместье их всего-то несколько штук было, так батюшка твой их в первую очередь продал.

— А то старое, на чердаке... можно попросить, чтобы мне его в комнату принесли?

— Да зачем оно тебе сдалось?

— Хочу сама себя причесывать так же красиво, как ты, — пошла я на откровенную лесть. Это подействовало. Нянюшка довольно улыбалась.

— Что ж не принесть? Конечно, принесут. Сразу же после обеда и принесут.

Желудок заурчал, напоминая, что со вчерашнего вечера ему так ничего и не перепало.

— Да что ж я деточку мою голодом-то морю! — всплеснула руками нянюшка. — Там уже и обед готов.

Она потянула меня из комнаты, я только и успела на ходу подхватить теплую шаль, накинула ее на плечи. В здании было довольно холодно, а выбранное мною платье оказалось слишком легким, голые руки уже покрылись мурашками.

Кухня и столовая, а также комнаты слуг располагались в противоположном крыле. Мне не терпелось познакомиться с оставшимися обитателями усадьбы — поварихой Миной и ее отцом Иппатием.

Еще на подходе к столовой уловила аппетитные запахи, желудок болезненно сжался и заурчал еще громче. Нянюшка прибавила шаг.

— Мина накрыла в малой столовой, — объясняла она на ходу.

Малая столовая представляла собой небольшую комнату с овальным столом и деревянными стульями. На стенах я заметила светлые пятна. Видимо, здесь тоже когда-то висели картины, услаждающие взор обедавших.

У стола меня встречала пухленькая блондинка ненамного младше нянюшки. Белоснежный чепец и фартук сразу выдавали человека, любящего аккуратность. Женщина ловко присела в реверансе.

— Приветствую вас, барышня, наконец-то вы вернулись!

Как приятно, что еще кто-то рад моему возвращению.

— Погреба и кладовые пусты, поэтому прошу прощения за столь скудный обед.

Мина опустила глаза, словно это она была виновата, что в кладовых нет провианта.

Села на жесткий стул с высокой спинкой. Кстати, я уже заметила: хоть диваны и были обиты тканью, но они все были ужасно жесткими. Никто не догадался положить под ткань мягкий наполнитель.

Стол был накрыт по всем правилам этикета, это я поняла по обилию столовых приборов. На льняной салфетке стояла горка тарелок, вокруг которой ровными рядами разложены вилочки, ложечки, ножи, какая-то непонятная штука в виде штопора на длинной ручке. Интересно, для чего она? Никаких бутылок на столе не наблюдалось. Возможно, на кухню уже передали мой приказ — ни капли спиртного, а может, реквизируемая мною бутылка была последней.

Взяла в руки крохотную вилочку с двумя зубцами, ручку оплетал красивый узор в виде переплетающихся цветочных лиан.

— Похоже на серебро. И как оно уцелело?

— Наша Мина умудрилась припрятать хозяйское добро, сберечь для настоящей хозяйки.

Оказывается, последнюю фразу я проговорила вслух, и нянюшка сразу же дала ответ.

В этот момент наша хозяйственная кухарка уточкой всплыла в столовую, неся перед собой супницу, от которой шел пар, настолько горячим было содержимое. Мина поставила ее на стол справа от меня. Открыв крышку, черпачком налила мне в тарелку густое варево, от одного аромата которого мутилось в голове.

Ложка сама очутилась у меня в руке.

— М-м-м, ничего вкуснее не ела! Нянюшка, пообедай со мной, — попросила я женщину, которая так и не присела. — Пожа-а-алуйста!

Нянюшка, уступив моей просьбе, присела по левую руку от меня. Мина, сразу же скрывшись на кухне, появилась оттуда с набором тарелок и столовых приборов, которые деловито разложила перед ней.

Вторым блюдом было рагу из непонятного мне овоща и мяса крошечной птички. От второго нянюшка отказалась. Подозреваю, что рагу было приготовлено только для меня. Неужели дела настолько плохи?

На десерт был вкусный травяной отвар с теплой лепешкой, которую я не осилила. Этот организм не привык к такому обилию пищи. К тому же меня разморило и клонило в сон.

Поблагодарив Мину за вкусный обед, направилась к себе в комнату, решив по пути навестить отца. Его состояние вызывало у меня нешуточную тревогу.

В комнате, где он находился, стало намного свежее. Касьян с сыном протерли тело барона мокрыми тряпками, убрали состриженные волосы и несвежую одежду. На соседнем кресле, болтая ногами, сидела Несса, которую оставили приглядывать за больным.

Папенька все так же пребывал в беспмятстве. На лбу вновь выступила испарина.

Я попросила Нессу принести миску с холодной водой, тряпицу и попросить у Мины еще лечебного отвара. Когда шустрая девчушка принесла воду и сообщила, что отвар будет позже, отправила ее обедать, а сама стала мокрой тряпкой обтирать лицо мужчины.

Состояние барона вызывало серьезные опасения, доктор был бы как нельзя кстати. Где бы раздобыть денег на визит лекаря?

Еще меня терзала одна мысль.

— Нянюшка, если вдруг папеньки не станет, что будет со мной?

Женщина вновь испуганно глянула на лежащее пластом тело барона и чуть ли не шепотом ответила:

— До совершеннолетия тебе положен опекун. Им может стать мать настоятельница из монастыря или твой жених. И неизвестно, что страшнее!

Да, перспектива одна другой хуже! Уж лучше быть под опекой отца, пусть и такого непутевого. Может, мне удастся уговорить его повременить с моим замужеством? А значит, перво-степенной задачей сейчас стоит его выздоровление!

Прискакала Несса с отваром. Эта девчушка, словно шустрая белочка, поражала своей жизненной энергией и неутомимостью.

Мы напоили барона отваром и, положив на лоб влажную тряпку, оставили на попечении юной горничной. Сговорились с нянюшкой круглосуточно приглядывать за больным.

Меня она отправила отдыхать, пообещав сменить Нессу через пару часов.

В своей комнате, позевывая на ходу, я стянула платье и выбрала из волос шпильки. Юркнула под одеяло и уснула, едва голова коснулась подушки.

Глава 8

Сон уносил меня на мягких волнах от тревог и забот. Снилось что-то светлое и теплое, как пушистый рыжий котенок, о котором я всегда мечтала, но так и не завела. Все что-то мешало.

Но постепенно стало холодать, ощущение теплого и светлого сменилось на серое и льдистое. Это серое постепенно сформировалось в гладкое стекло подслеповатого старого зеркала в деревянной раме с облупившимся от времени лаком.

В зеркале я увидела отражение девушки с длинными каштановыми волосами, крупными локонами рассыпавшимися по плечам. Яркие голубые глаза смотрели в упор. Улыбнулась своему отражению, пока еще непривычному, но уже знакомому. Подняла руку, перекидывая волосы за спину. Рука так и замерла занесенной вверх, потому что девушка в отражении не двигалась. Она грустно улыбалась, глядя на меня, затем протянула руку, словно хотела коснуться меня прямо сквозь стекло, но границы зеркала остались нерушимы.

Девушка провела ладонью по гладкому стеклу, ее губы зашевелились.

— Помоги им...

Ее шепот был подобен шелесту падающего с ветки листа. Затем она слегка повернула голову, словно прислушиваясь. Бросив на меня последний взгляд, прошептала:

— Прощай...

Развернувшись, она медленно пошла вдаль, пока полностью не растворилась в серебристой зеркальной глубине.

Повторяя ее движение, я коснулась рукой холодной глади зеркала, прошептав:

— Прощай.

Теперь я знала, что душа девушки ушла навсегда и больше не будет снов из ее прежней жизни, дальше придется справляться со всем самой. Меня охватила невыносимая грусть и тоска по безвинно ушедшей душе.

Проснулась вся в слезах. За окном занимался серый рассвет. В комнате было невыносимо холодно, мне даже показалось, что пол вокруг кровати покрыт инеем.

Глянула на камин и лежащие в нем стопкой дрова. Они бы согрели комнату, вот только как добыть огонь? Спичек здесь не наблюдалось.

Вздохнув, я сунула ноги в меховые тапочки, накинула на плечи шаль и потопала в уборную, радуясь, что это благо цивилизации примыкает к комнате и мне не нужно бежать на улицу в поисках деревянной кабинки.

Шла чуть ли не ощупью. Сомневаюсь, что здесь есть электрическое освещение, но и никаких свечей я не обнаружила. Выручало окно в ванной комнате, сквозь которое заглядывали первые ранние лучи солнца.

Сделав свои дела, вернулась в комнату, зябко передергивая плечами, и чуть не завизжала от неожиданности. В дальнем углу, у самого шкафа, явственно мелькнула сначала одна тень, затем другая.

Неужели крысы? Не то чтобы я их боялась, но приятного мало. Крадучись подошла к шкафу. Никого!

Может, мне показалось? Может, это птица пролетела за окном и ее тень скользнула по стене?

Успокоив себя таким образом, переоделась в платье, накинула все ту же теплую шаль и пошла проводить папеньку. От его состояния теперь зависело мое будущее, и нужно приложить все усилия, но не дать ему уйти за грань.

В малой гостиной было намного теплее. На диване все так же без сознания лежало тело барона. Рядом, сидя в кресле, дремала нянюшка. Она уже переоделась и привела себя в поряд-

док и сейчас мало напоминала глуповатую старушку, сопровождавшую меня в дороге. Сейчас перед собой я видела женщину в возрасте, в длинном строгом платье темно-коричневого цвета, поверх которого повязан серый фартук. Волосы забраны наверх в большой узел, открывая шею и делая спящую женщину немного моложе.

Не стала ее тревожить, пусть отдохнет.

Склонилась над диваном, пощупала лоб барона, прислушиваясь к его дыханию. Кажется, ему немного лучше. Лоб прохладный, и грудная клетка вздымается ровно, лишь изредка прорываются хрипы, напоминая о сломанных ребрах.

Стараясь не шуметь, я вышла из гостиной и пошла бродить по дому, заглядывая во все двери. Еще несколько комнат, располагавшихся в этом крыле, оказались совершенно пусты. В двух из них окна оказались заколочены деревянными ставнями. И, лишь подойдя ближе, я поняла, что стекла в них полностью отсутствуют. Вот почему дом мне показался подслеповатым. Вместо прозрачных стекол в проемах темнели облезлые деревянные щиты.

Пересекла большую гостиную и направилась в сторону столовой и кухни. Здесь уже вовсю кипела работа, слышался приглушенный шум. Пошла на этот шум, попутно заглянув в большую столовую, оказавшуюся огромной комнатой с длинным столом посередине. Правда, стульев у стола стояло всего несколько штук. Видимо, мародеры или баронская рука добрались и сюда.

На кухне было тепло от пылающей печи, у которой вовсю хлопотала Мина. Увидев меня, она очень удивилась:

— Барышня, что ж вы встали в такую рань? А я вот хлеба поставила.

В кухне явственно чувствовался аромат свежей выпечки. Я жадно втянула его носом.

— Как вкусно пахнет!

— Да что ж это я?! — спохватилась кухарка. — Вы же, барышня, вчера не отужинав легли. Сейчас я вам завтрак накрою!

— Не нужно ничего накрывать, можно я здесь позавтракаю? Здесь теплее.

«И уютнее!» — добавила про себя.

Присела на табурет у чисто отскобленного деревянного стола, наслаждаясь теплом и вкусными ароматами.

Мина хлопотала, выставляя на стол миски. Вскоре передо мной стояла большая глиняная кружка с отваром, кусок свежего хлеба и мисочка ягод в меду. Видимо, местное лакомство.

Пока завтракала, расспрашивала Мину о делах на кухне. Оказалось, дела действительно хуже некуда. Барон уже давно не давал денег на хозяйство, и жители усадьбы перебивались как могли.

— Разбили в саду за домом небольшой огородик, летом выращиваем овощи. В саду много ягод и фруктов. Часть вымениваем на другие продукты, часть закладываем в погреба или сушим, — рассказывала Мина.

— И много продуктов у нас осталось? — поинтересовалась я.

— Полмешка фасоли, мешок пшена. Мешка два муки. Еще немного репы и капусты. Весной всегда голодно. До нового урожая еще нескоро, а старые запасы уже подъели, — грустно вздохнула кухарка. — Касьян на охоту ходит, когда зайца принесет, когда перепела. Проживем, барышня!

А у самой глаза так тревожно на меня посматривают.

— Тетушка Мина, тетущка Мина! — ворвался на кухню маленький смерч в виде одной шумной девчушки.

— Погодь, Несса, не шуми! Видишь, барышня завтракают! — шикнула на нее Мина.

Несса сразу сделала серьезную мордашку и присела в реверансе.

— Доброе утро, госпожа баронесса.

— Доброе утро, Несса, садись со мной завтракать.

Девочка искоса бросила взгляд на Мину, та легонько кивнула, позволяя сесть за стол. Перед ней сразу же появилась такая же кружка с травяным отваром и кусок свежего хлеба.

Пока горничная завтракала, я продолжала разговор:

— Мина, а что за отвар ты приготовила для барона?

Женщина назвала несколько трав, часть оказалась мне знакома. Как я и думала, отвар был противовоспалительным и укрепляющим. А еще Мина добавила, что велела мужу намазать барона мазью, которую сама варит из пчелиного воска.

— Очень хорошо раны и ушибы заживляет. У меня Касьян завсегда ею пользуется, коль зашибется где.

— А далеко отсюда до города? — поинтересовалась я.

— Полтора дня пути на телеге. Верхом-то и за день можно управиться. Да только не на чем верхом-то. Одна лошадка на конюшне осталась!

Значит, врач отпадает, на ближайшее время точно. Ехать в такую даль не каждый согласится, а кто согласится, тот и цену соответствующую запросит. А у нас последний мешок фасоли остался...

— А нет ли кого в ближайших деревнях, кто врачевать умеет?

Задавая этот вопрос, я очень надеялась на положительный ответ. Не может так быть, чтоб в деревне да не было знахарки какой.

— Раньше умели, да ушли все, остались только сырые, кому идти некуда, — разбила Мина мою последнюю надежду.

Вкусный завтрак и приятная компания придали мне новых сил. Я пригласилась у кухонной печи, уходить совсем не хотелось. Вот только долго рассиживаться я не привыкла, в прежней жизни у меня не было ни минуты свободной, видимо, эта привычка со мной навсегда.

С чего же мне начать? Думаю, с самого главного — следует оценить ресурсы, которыми я сейчас располагаю. Повезло, что попала сюда весной, впереди несколько теплых месяцев. Судя по всему, упор придется делать на сельское хозяйство. Перед глазами снова возникла картина бескрайних лугов, зеленеющих молодой травкой. Трава — это корм для скота. А чтобы купить скот, нужны деньги. Заколдованный круг получается.

Зайдем с другой стороны. Скота нет, но есть трава, которую можно заготавливать и продавать. Наверное. Возможно, она здесь даром никому не нужна. А значит, нужно изучить местный рынок.

А еще нужно узнать, чем жило поместье до войны. С чего шел доход?

И найти лекаря для барона.

Накидав примерный план действий на ближайшее время, я уже не могла просто так сидеть на месте. Нужно обо всем расспросить нянюшку. Ее супруг был управляющим этого поместья, значит, она должна быть в курсе всех дел, тем более что позже практически заняла его место.

— Спасибо за завтрак, — поблагодарила я Мину. — Пойду проведаю папеньку.

— Погодите, барышня! Вот возьмите лечебного отвара. Несса, помоги госпоже баронессе.

Мина сунула в руки уже успевшей позавтракать горничной кружку с отваром.

Еще раз поблагодарив кухарку, мы с Нессой отправились в малую гостиную. Нянюшка все так же сидела в кресле, барон по-прежнему пребывал в беспамятстве.

— Нянюшка, иди позавтракай, я пока папеньке отвару дам. А потом нам поговорить нужно.

Женщина, покряхтывая, поднялась с кресла. Видимо, она провела на неудобном жестком сиденье всю ночь.

Пока мы с горничной поили папеньку целебным отваром, нянюшка успела позавтракать и вернуться к нам. Нессу оставили дежурить возле барона, и девочка заняла пустующее кресло.

Мы с нянюшкой отправились в мою спальню. Мне не хотелось, чтобы наш разговор слышал кто-то еще.

Я села на край кровати, разгладила на платье несуществующие складки, собираясь с силами. Ведь успех всего будет зависеть от того, поддержит меня эта женщина или нет.

— Нянюшка, ты очень любишь эту усадьбу? Хочешь возродить ее вновь? — Я глянула испытующе, читая на ее лице интерес пополам с удивлением.

— Не иначе все же замуж собралась?

— Нет, замуж я не хочу. Возможно, когда-нибудь... и только за того, кого я сама выберу!

— Так как же?

— Я хочу сама управлять помещьем, тем более именно мне его завещала маменька. Значит, и отвечать за него мне.

— Да как же?! Где это видано, девица — и хозяйка поместья?!

— А что, разве нет женщин, управляющих своим имуществом?

Нянюшка задумалась.

— А ведь есть! Герцогиня Нервальская после смерти мужа сама управляет своими землями. И другие есть. Но то больше вдовы, а чтоб девицы, таких не припомню. Да и кто им позволит? У всех есть отцы или мужья.

— Ну, у меня мужа нет, а папенька при смерти, сам нуждается в опеке. Или ты хочешь, чтобы здесь хозяйничал чужой человек?

— Да как же ты одна-то?

— А я не одна. Ведь ты мне поможешь? И Мина, и Несса. Мы же женщины, мы сильные, нас трудно сломать. Не то что мужики, чуть что — и сразу за бутылку... — бросила я камешек в папенькин огород.

— И что ты придумала? Я же вижу, что придумала! — оживилась нянюшка.

— Сначала расскажи мне, чем жило поместье до войны, откуда доход шел?

— Так до войны в поместье аж девять деревень было. Когда армия короля Ливия отступала, одну деревню целиком сожгли, другую порушили так, что в ней ни одной целой избы не осталось. Остальные барон уже после войны распродал. А кормились с того, что овец держали, особой породы. Шерсть у них длинная и шелковистая, из такой ткань тонкая да нежная получается. Купцы в очередь за нашей шерстью становились.

Нянюшка снова задумалась, словно вспоминая о былом величии этих мест.

— Еще стахис выращивали. Им шерсть красили. От нашего стахиса самые яркие цвета получались. Да и поля трифилия тянулись до самого горизонта. Главный ингредиент для всех зелий — четырехлистный трифилий! А вдоль полей пасеки стояли.

Нянюшка улыбалась, уносясь в свои воспоминания.

Про овец я поняла, сама об этом же в первую очередь подумала. А вот названия растений были мне совершенно незнакомы. Я даже предположить не могла, что они из себя представляли.

— А еще у нас глиняный карьер. Глина особая, из нее даже трубы для водопровода делали.

Вот это очень интересно! Я уже обратила внимание, что многое в доме было изготовлено из глины. То, что я привыкла считать исключительно металлическим. Взять хотя бы тот самый водопровод или ванну. Об этом тоже стоит подумать.

— Нянюшка, я хочу поместье осмотреть и в деревни съездить. Взглянуть, чем люди живут. И сколько их вообще на моей земле осталось. Поместье поднимать рабочие руки нужны.

— Так как надумаешь, Касьяну скажу, он лошадку-то запрежет. Только я тебя одну не отпущу, с тобой поеду.

— А еще, нянюшка, мне книги нужны. Есть у нас библиотека?

— Есть, конечно, на хозяйском этаже, аккуратно рядом с кабинетом.

Точно! Хозяйский этаж! Вот с чего мне следует начать!

— А что, нянюшка, пойдем-ка на хозяйский этаж прогуляемся. Раз я здесь сейчас хозяйка, имею полное право!

Глава 9

Хозяйский этаж встретил нас затхлым запахом, слоем пыли и паутиной на стенах. Только посередине была протоптана дорожка, причем конкретно так протоптана, хоть грядку сажай!

— И как долго папенька не позволял на этаж заходить? — поинтересовалась я.

— Так года два уже как будет, — отозвалась нянюшка, с невозмутимым спокойствием разглядывающая весь этот бардак. Но еще больший шок я испытала, когда она указала мне на личные покои барона. В хлеву, наверное, чище будет!

Амбре от немытого тела пополам с застоявшимся перегаром от дешевого вина перемешивалось с запахом, идущим от грязных тарелок с остатками пищи, горкой стоящих на прикроватном столике. Повсюду валялись пустые бутылки, грязная одежда, пожелтевшие клочки бумаги.

Постельное белье грязно-землистого цвета намекало, что уже давно срослось с кроватью. Такое даже стирать бесполезно — только выкинуть. А лучше сжечь!

Надеюсь, в этом мире нет клопов и тараканов, для них здесь просто райское место!

— Нужно здесь прибраться, все выкинуть и проветрить, — пробормотала я, едва сдерживая рвотные позывы, ибо вонь стояла такая, что глаза резало.

Когда мы вышли из комнаты, побыстрее закрыла дверь и выдохнула:

— Фух, до чего же себя папенька довел, разве так можно?

Нянюшка только вздохнула, разделяя мое мнение. Я прекрасно ее понимала: над хозяином она не властна. Ничего, я быстро вправлю ему мозги. До чего себя довел, поместье разорил. Ладно о себе не думал, но людях, которые всецело от него зависят, кто подумает?

Дорожка следов вела к соседней комнате.

— Комната Амелии, — почему-то шепотом пояснила нянюшка.

По следам было видно, что папенька часто подходил к двери, топтался, но не заходил внутрь. Это подтвердил толстый ковер пыли на полу комнаты, похожей на голубое облачко.

Стены, обтянутые голубым шелком, портьеры в тон, голубой балдахин над широкой кроватью. Мебель белоснежная, изящная. Я словно попала в сказочную комнату феи. На туалетном столике все так же стояли разноцветные пузатые флакончики, лежали щетки для волос, с кресла свисал легкий шарф, словно хозяйка отлучилась на минутку, да так и не вернулась. Только засохшие, почерневшие от времени цветы в вазе напоминали, что она уже не вернется.

Я не смогла себя заставить переступить порог. Не сейчас. Позже, когда буду одна.

В комнатах напротив размещались покои моего брата. Здесь тоже все лежало нетронутым на своих местах, словно в ожидании хозяина. Тихонько закрыла дверь. Осмотрюсь здесь позже.

Дальше шли еще одни покои, совершенно пустые. Комната в лавандовых тонах, в которой не было ни мебели, ни даже занавесок на окнах.

— Эту комнату Амелия готовила для тебя.

Кивнула, принимая эту информацию к сведению. Комната мне понравилась. Солнечная, воздушная. Я бы с удовольствием жила в такой.

Напротив располагалась игровая, она же учебный класс, здесь играл и обучался мой брат. Сейчас комната тоже пустовала, из мебели только полки на стенах, на которых кое-где стояли старые игрушки.

Наконец мы дошли до библиотеки и кабинета.

Библиотека оказалась небольшой комнатой, в которой стояло несколько стеллажей с книгами. Взяла с полки первую попавшуюся, открыла посередине. Сейчас и выяснится, умею ли я читать, или добавится еще одна головная боль.

На мгновение строчки словно поплыли перед глазами, складываясь в слова и фразы. Чуть не завопила от радости. Читать я умею, теперь посмотрим, чем богата семейная библиотека.

— Нянюшка, я побуду здесь, поищу нужные мне книги. А ты пойдешь отдохни немного. Ночь ведь не спала.

— Не до отдыха сейчас... — проворчала женщина, но перечить не стала, вышла из комнаты.

Оставшись одна, я почувствовала себя намного свободнее. Итак, что у нас здесь есть? Книжки по охоте, любовные романы. А вот то, что мне нужно! Свод законов!

Отложила книгу на пыльный стол, стоявший посередине комнаты. Вскоре к ней прибавилась детская география, энциклопедия растений и несколько брошюр по земледелию и разведению скота. Довольно затертые, видимо, когда-то ими часто пользовались.

Сестра в комнате было не на что. Возможно, ранее здесь стояли кресла, но сейчас, кроме одинокого стола и книжных стеллажей, больше ничего не было. Значит, пришло время заглянуть в хозяйский кабинет. Может, и там что стоящее найду.

В кабинет давно не ступала нога человека, вездесущая пыль накрывала все серой пеленой. Массивный стол на резных ножках, заваленный стопками бумаг. Красивая настольная лампа, кажется масляная. Кресло с высокой деревянной спинкой, на сиденье старенькая подушечка. По стенам шкафы, на полках которых видны стопки бумаг, амбарные книги, старые тетради в кожаных обложках.

Несколько свернутых в трубочку рулонов оказались картами. Это, судя по всему, карта страны, а вот это, похоже, наша усадьба. Вот только на ней я насчитала целых девять деревень, а сейчас у нас осталось лишь три...

Нужно выяснить, где теперь проходят границы наших земель. По названиям я нашла три принадлежавшие мне деревни.

Дальнее, которое я уже видела в окно повозки, стояло на пересечении дорог, одна из которых вела в ближайший город. Ближнее находилось совсем недалеко от усадьбы. Судя по масштабам карты, туда можно добраться пешком минут за двадцать. Озерное — чуть дальше и называется так не зря. Судя по всему, оно находится на берегу большого озера. Между этими двумя деревнями небольшая рощица, а вокруг квадраты полей.

Вот это находка! Да эту карту нужно беречь как зеницу ока! И вообще, нужно здесь прибраться и методично просмотреть все документы, может, еще что-то стоящее найду, что даст мне подсказку, как действовать дальше. Почитать приходные книги, понять, что приносило доход поместью в прежние времена.

Оставив книги на столе, забрала с собой только свод законов, спустилась вниз, решив сначала зайти в свою комнату, покопаться в найденных на чердаке вещах. Единственное приличное платье жалко запачкать. Мне нужно что-то, в чем можно взяться за уборку кабинета. Такое ответственное дело я никому не доверю.

В комнате что-то изменилось. Точно! Зеркало! Пока меня не было, с чердака принесли зеркало и установили рядом со шкафом.

В углу за шкафом снова мелькнула тень. Да что ж такое?! Мотнула головой. Ничего!

Видимо, падая в реку, я серьезно приложила головой, вот теперь временами в глазах плывет. По-хорошему пару дней отлежаться бы, но нет у меня этих дней.

Покопавшись в куче барахла, отыскала старенькое серое платье — то что нужно для уборки. Теперь следует сходить на кухню к Мине, попросить ведро с водой и тряпку. Еще бы веник не мешало.

Тетушку Мину, как и думала, нашла на кухне. Узнав, что мне нужно, она уперла руки в боки:

— Да где это видано, чтобы сама баронская дочка уборкой занималась? И что вы удумали, барышня! Разве ж так можно?! Щас вон Нессу пошлю, да Гурий ей поможет, воды натаскает.

— Ты же знаешь, Мина, что у нас лишних рабочих рук нет. И нет ничего зазорного в том, чтобы самой в комнате убраться. В монастыре я сама за собой прибирала, — сочиняла я на ходу, пытаюсь убедить кухарку, что вполне способна заняться уборкой. — Там ничего сложного нет, только пыль смахнуть да полы протереть. А вот комнату барона действительно прибрать нужно. А по-хорошему собрать там все и сжечь, чтоб и следа не осталось!

В конце концов мне удалось ее убедить, что я совсем не сахарная и не рассыплюсь, если буду делать что-то своими руками. Вот только она развила бурную деятельность. Были призваны все жильцы усадьбы, я даже наконец-то познакомилась с отцом Мины, бывшим дворецким Иппатием, которого приставили дежурить у дивана больного барона. Папенька так и не приходил в себя.

Все остальные, вооружившись ведрами, тряпками и метелками, поднялись на второй этаж. Женщины с каким-то воодушевлением оттирали грязь, выносили мусор. Мужчины едва успевали подносить ведра с водой. Управившись с кабинетом, я принялась за библиотеку, пока остальные отмывали весь этаж и загаженную комнату барона.

Мужчины вынесли на улицу постельное белье вместе с матрасом и открыли окна. Сразу стало свежее.

К концу дня все грязные, уставшие, но довольные собрались в малой столовой. Я настояла, чтобы все сели за один стол. Нехитрый ужин, собранный для нас Миной, казался невероятно вкусным. Я сильно устала, доставшееся мне тело было очень слабым, не приспособленным к тяжелой работе, с этим приходилось считаться.

За окнами темнело, незаметно пролетел еще один день. Нянюшка выдала мне масляную лампу, интересное устройство для освещения. Дешевле свечей и намного безопаснее.

Не спеша я побрела в свою комнату, еле волоча ноги от усталости. По пути заглянула в малую гостиную к папеньке. Все так же без изменений. Нянюшка заняла кресло рядом с диваном, намереваясь дежурить здесь и эту ночь.

Пожелав ей спокойной ночи, отправилась к себе. Только сейчас заметила, как здесь тихо. Я, житель большого города, привыкла к постоянному шуму, который сопровождает нас всю жизнь. А здесь было невероятно тихо, даже как-то становилось не по себе.

Закрела за собой дверь, поставила лампу рядом с кроватью и, кряхтя, словно старушка, начала переодеваться. С непривычки болели ноги, а руки, казалось, висят ниже колен. Ничего, напомнила себе, зато живая!

В углу что-то зашуршало. В полной тишине этот шорох казался особенно громким.

Не на шутку испугавшись, я схватила в руки подушку, выставя вперед, словно оружие.

— Кто здесь? Покажись!

— Ну наконец-то! Я здесь уже второй день кругами хожу, все жду, когда ты меня призовешь.

В углу, у шкафа, прямо из воздуха материализовалась небольшая фигурка бородатого лохматого мужичка.

Сама не поняла, как оказалась на кровати, все так же держа перед собой подушку. Мужичок стоял посреди комнаты и нападать вроде не собирался. Он с хитрым прищуром поглядывал на меня. Я рассматривала его в ответ.

Небольшая фигурка, мне по колено будет, сложена пропорционально, ручки-ножки, все как у обычного человека. Судя по густой растительности на лице, это особь мужского рода. Одет в рубаху, полосатые штаны и кожаные сапожки.

— Гном, что ли? — пробормотала я.

— Не гном я, домовый! — оскорбился мужичок.

— Домовой... вы же вроде людям не показываетесь? — блеснула я эрудицией.

— Так обычным и не показываемся, а ты ж ведунья.

— Ведунья? — не поняла я. — Ведьма, что ли?

Неужели, попав в другой мир, я стала обладать какими-то необычными способностями?
— Э нет! Ведьмы, они больше знахарки да магички со слабой магической искрой. А ты ведунья, очень сильная магиня.

— Магиня? Я что, колдовать могу?

— Да не колдунья ты, магиня! Магией обладаешь, магия у тебя особая, редкая очень. Такой в этом мире уже, почитай, больше ста лет не встречалось. Я, как тебя почувствовал, даже не сразу поверил.

— И что это за магия такая?

Я сама не заметила, как отложила подушку в сторону и свесила с кровати ноги.

— Магия особая, ведовская. Ведуньи могут видеть всю нечисть этого мира, говорить с ней и на службу к себе призывать.

Ух как интересно! Особенно с этого места, про службу.

— И много нечисти в этом мире? — поинтересовалась я.

— Так полным-полно. В каждом лесу, поле или реке. Полевики, лесовики, водяные, русалки, луговицы. А в селеньях домовые да городовые. Столько — всех не перечесть! Поэтому ведуньи самые сильные маги, ведь вся нечисть у них в услужении.

— И как же вы служить можете?

— Так всем же известно, что мы удачу приносим, в делах помогаем, от всяких напастей защищаем.

— Эх, удача мне бы сейчас очень пригодилась. Мне бы денег немного. Хоть клад иди копай! — пошутила я.

— Зачем копать? — удивился домовый. — В этом доме несколько кладов спрятано, и копать не нужно!

— А вот с этого места поподробнее!

У меня даже усталость прошла, я была готова прямо сейчас идти искать клад.

— Да хотя бы в этой самой комнате есть тайник.

— Где? — Я соскочила с кровати, стала озиаться, осматривая стены.

— Да вот здесь!

Домовой деловито подошел к камину, нажал на одну из завитушек, украшавших каминную полку, и прямо у меня на глазах один из кирпичей отъехал в сторону.

В углублении стояла небольшая шкатулочка. Сдув с нее пыль, я с замиранием сердца откинула крышку. Внутри лежали несколько цветных шелковых лент, крохотный детский серебряный браслет, около десятка мелких монеток и большой круглый медальон.

На медальоне была изображена девушка, очень похожая на мое отражение в зеркале.

— Амелия... — догадалась я.

Мне стало понятно, что эта шкатулка когда-то принадлежала прежней хозяйке моего тела. Малышка спрятала в нее все свои самые ценные вещи, среди которых был медальон с портретом матери.

Забрав монетки, остальное я сложила назад в шкатулку и убрала обратно в тайник.

— Спасибо тебе, — поблагодарила домового. — А где остальные клады?

Я была готова идти за ними немедленно, но мужичок скептически посмотрел на меня.

— Я, конечно, отлично вижу в темноте, но не думаю, что тебе стоит заниматься этим прямо сейчас, лучше дождаться рассвета.

Он прав. Я еще плохо ориентируюсь в доме, а ночью вообще рискую потеряться.

— Ложись спать, ведунья. Утро вечера мудренее!

— А ты придешь утром?

— Как позовешь, так и приду, — хитро прищурился домовый.

Я, зевая, забралась на кровать, а домовый направился назад, в угол за шкаф.

— А как зовут-то тебя?

Домовой притормозил, обернулся:

— Антипкой кличут.

И прямо у меня на глазах медленно растаял в воздухе.

Я еще какое-то время таращилась на то место, где только что стоял чудной мужичок, а затем подумала, зевнув, что он прав: утро вечера мудреней. И, завернувшись в одеяло, мгновенно уснула.

Глава 10

Проснувшись поздно, в окошко уже заглядывали солнечные лучи. Масляная лампа, которую я так и забыла потушить, выгорела полностью и потухла.

Эх, какой мне сон снился! Будто я настоящая магиня, и еще снился домовенок, такой смешной, ко мне в помощники набивался. Клады обещал!

Клад бы мне сейчас не помешал. Даже не представляю, как я буду выкручиваться. Судя по всему, уже совсем скоро поля засеять нужно будет. А я даже не представляю, где семена брать. Да и папеньке, опять же, лекарь требуется.

Сладко потянувшись и замерла. Рядом с потухшей лампой лежало несколько мелких монеток. Я так и застыла с заведенными за голову руками.

Не поняла? Это что? Это все правда, что ли?

Потыкала пальцем ближнюю монетку и отдернула руку, словно она могла меня укусить. Настоящая!

— Йу-ху! — Я вскочила и запрыгала на кровати.

Сейчас позову Антипку, и мы пойдем еще один клад искать.

Вот только вместо домового в комнате появилась Несса. Она с интересом посмотрела на стоящую посреди кровати хозяйку. Потом, опомнившись, присела в дежурном реверансе, словно ничего такого необычного не видела.

— Госпожа баронесса, завтрак подан.

— Спасибо, Несса. Я сейчас приду.

— Барышня, я помогу вам собраться.

Несса направилась в сторону так и лежащего на полу узла с тряпьем.

— Нужно все в шкаф повесить, — бормотала она едва слышно.

— Оставь, Несса, там половину перешить да подогнать нужно, вот только жаль, некогда. Мне бы швею какую.

— Так в Ближнем тетка Маруся шитьем занимается. Вдовая она, одна с ребятенком, вот за любую работу и берется. Правда, все мужикам штаны да рубахи штопает, — с сомнением произнесла девочка.

Значит, сегодня же нужно поехать в это Ближнее, я ведь сама собиралась посмотреть, чем люди живут. А клад до вечера подождет.

Пришлось надевать все то же светлое платье с лентой под грудью. Волосы Несса заплела мне в косу и подняла вверх, заколов шпильками. Мимходом я глянула на себя в зеркало — смотрелось очень мило. Только вместо шелковых туфель я снова сунула ноги в меховые чуни. Уж больно полы холодные! А ковры, как я подозреваю, давно проданы. Хотя что-то такое я видела на чердаке. Думаю, нужно будет туда еще наведаться и хорошенько все осмотреть. Там еще много полезных вещей найдется. Ну старенькие — и что? Нам сейчас не до жиру!

Монетки смахнула в ладонь и положила в карман платья. Отдам нянюшке на хозяйственные нужды.

По пути в столовую заглянула к папеньке. Здесь стабильно, без изменений. Не хуже, и то ладно! Нужно попросить Мину его сегодня бульоном покормить. На одном травяном отваре он у меня долго не протянет. Хотя с лица сошла синюшная бледность, и даже красный нос, выдававший пристрастие к горячительным напиткам, слегка посветлел.

Возле неподвижного тела папеньки дремал в кресле Иппатий, видимо сменивший нянюшку. Надо посоветовать ему положить под мягкое место подушку. Все же пожилому человеку тяжело долго сидеть в таком жестком кресле. Тканью-то его обтянули, почему перед этим не набить каким-либо мягким наполнителем?

Завтрак мне накрыли в малой столовой. Как оказалось, все уже позавтракали и разошлись по делам. Я одна сегодня так разоспалась.

— Мина, передай Касьяну, что мне сегодня понадобится съездить в Ближнее, — попросила я кухарку, когда она накладывала мне в тарелку кашу.

Завтрак состоял из каши-размазни, большого куска ноздреватого, еще теплого хлеба и неизменного травяного отвара. Как же кофе хочется! У меня настоящая ломка начиналась, стоило только подумать о привычном утреннем напитке.

— Сейчас кликну, пусть лошадь запрягает. А вы, барышня, теплее одевайтесь. Ветрено нонче.

Пока завтракала, в столовую пришла нянюшка.

— Доброе утро, — поприветствовала я ее. — Я в Ближнее собираюсь, поедешь со мной? И вот, я тут про свой детский тайник вспомнила. — Я высыпала на стол горсть монеток.

Нянюшка принялась их пересчитывать, пальцы при этом у нее слегка подрагивали.

— Здесь, наверное, очень мало. Я совсем в деньгах не разбираюсь, в монастыре нас этому не учили.

— Немного, конечно, но я и таких денег давно в руках не держала!

Глаза нянюшки подозрительно заблестели. Она принялась рассказывать мне, какая монетка что из себя представляет и что на нее можно купить. Мерой она взяла десяток яиц.

— Дай мне вот эту, самую мелкую монетку, — попросила я. — А остальные можешь использовать по своему усмотрению. Ты лучше меня знаешь, где они нужнее.

Отдав мне самую маленькую монетку, на которую у меня сегодня имелись свои планы, остальные она спрятала в карман передника.

Через полчаса в плаще, найденном на чердаке (у которого был вырван клочок ткани на боку), я забиралась в уже знакомую повозку. Лошадка мирно щипала травку, проросшую между каменной плиткой у самого крыльца.

Припекало солнышко, но шаловливый ветерок развеивал полы плаща, пытаясь забраться под подол, под которым у меня, кроме нижней юбки, ничего больше не было. На ноги я надела башмачки с облезлыми носами, оказавшиеся очень мягкими и удобными.

Нянюшка забралась в повозку следом за мной. Вот не поворачивается у меня язык называть этот транспорт каретой!

До деревни ехали от силы минут пятнадцать. Действительно Ближнее. Десятка два домов, среди них я насчитала даже пяток каменных. Именно они даже на вид казались более обжитыми.

Касьян остановил лошадь аккуратно напротив дома старосты. Низенький, приземистый бородатый мужичок колобком выкатился из избы, спеша узнать, кто по его душу пожаловал.

Первой из повозки выбралась нянюшка и сразу же попеняла мужику:

— Ты голову-то склони, чай, госпожа баронесса к тебе пожаловала!

Мужик послушно поклонился, исподлобья кося хитрым глазом и с интересом наблюдая, как я выбираюсь из повозки.

— Госпожа баронесса, чем могу служить?

Он сложил ручки на выпирающем животе. Эх, не нравится он мне. Вот так, с первого взгляда. Скользкий тип, и по виду не скажешь, что бедствует.

Неподалеку от дома паслась стайка кур, а с заднего двора раздавалось коровье мычание. Дом и двор ухоженные, в оконце мелькнуло румяное женское лицо.

— Батюшка наш занемог, меня на помощь приехать попросил. А посему жду от вас отчет за прошедший год. А сейчас укажите мне, где живет швея Маруся. Я намерен плащ порвала, зашить требуется.

Я продемонстрировала порванный плащ.

Староста от моих слов с лица спал, хитрые глазки забегали, видать, не ожидал такой прыти от баронской дочери.

— Я дочу с вами пошлю, она дом Маруськи укажет, — залебезил мужик, бегом кидаясь назад в дом.

Через минуту оттуда уточкой выплыла румяная девица в теле, разодетая лучше меня. Цветастый сарафан, разноцветные ленты в косах, меховая безрукавка чуть ли не лопается на груди, едва умещающая девичье богатство.

Изобразив реверанс, девица с интересом рассматривала меня.

— Вам к Маруське, что ли, надоть? Да вон она в крайней избе живет, приبلудная!

— Почему приبلудная? — поинтересовалась я.

— Так она как года два назад приبلудилась вместе с дитем, так здесь и осела. Батюшка пожалел, избу ей выделил, да только приبلуда этого не ценит, кобенится! Ниче, поголодает малясь, сама на коленях приползет!

Я нахмурилась, слушая эти слова. Увидев это, старостина дочка прикусила язык, и дальше мы шли молча.

Из домов выходили местные жители, глядели нам вслед. Все те же худые лица, старая, поношенная одежда. Все это я уже видела в Дальнем.

Когда мы дошли до покосившейся избышки на краю села, я отослала девицу назад к отцу, попросив напомнить ему про отчет. Пусть не расслабляется.

Из избы навстречу нам вышла молодая женщина, почти девушка. Донельзя худющая, почти прозрачная, в чем только душа держится. Даже я сейчас на ее фоне не выгляжу настолько худой. Одета бедно, но опрятно.

Поздоровавшись, она спросила, по какой надобности мы к ней пожаловали.

Я продемонстрировала ей порванный плащ, поинтересовавшись, может ли она его зашить.

Женщина пощупала полу плаща пальцами.

— Хорошая ткань, красивая. Заходите в дом, на починку время требуется.

В доме была крохотная кухня и небольшая горница. Колченогий стол и пара табуретов, кровать, на которой сидел слегка испуганный мальчишечка лет пяти. Голубые глазенки пылливо выглядывали из-под белобрысой челки. Сам такой же худющий, как и мать.

Швея предложила мне табурет, от которого я отказалась, подойдя к крохотному мутному окошку. На стекло не похоже, неужели слюда? Я такое только в музее видела. Окно таверны не в счет, я его в темноте даже не рассмотрела.

Маруся достала большую деревянную шкатулку с нитками, иглами и ножницами, расположилась у открытой двери, ближе к свету, и принялась за работу. В домике повисла тишина. Никто не решался заговорить первым. Нянюшке не известна была моя задумка, парнишка, видимо, привык молча наблюдать за работой матери, а сама Маруся споро работала так, что только игла мелькала в худеньких руках.

— Вот, барышня, принимайте работу.

Она протянула мне плащ. Я провела пальцами по едва заметному шву.

— Вы настоящая мастерица. Спасибо, вот вам за работу.

Я протянула женщине мелкую монетку, которую припасла для этого случая. Она недоверчиво протянула руку, в которую я вложила крохотный медячок.

— Благодарствую! — Она принялась отбивать поклоны.

— Погодите, Маруся, — обратилась я к ней. — Вы хорошая швея, мне как раз такая в поместье требуется. Возьметесь за эту работу?

Маруся недоверчиво смотрела то на меня, то на нянюшку.

— Может, вам подумать нужно? — спросила я, не дождавшись ответа.

— Возьмусь! Только...

Она посмотрела на сынишку, и я без слов поняла, что она боится оставлять его одного.

— Работы в доме много. Ездить каждый день в деревню неудобно. Будет лучше, если вы с сыном поживете у нас в поместье. Можете сразу поехать с нами, в карете всем места хватит, а за вещами потом пришем.

— Да какие вещи! Сын да эта шкатулка — все мое богатство!

Женщина упала на колени, целуя мою руку. От неожиданности я замерла, не зная, что делать.

— Вы собирайтесь, ждем вас у кареты, а мы пока по деревне пройдемся.

Я спрятала руки под плащ и следом за нянюшкой вышла из избы.

Нянюшка с интересом поглядывала на меня. Видимо, не ожидала от меня такого решения, а я, наоборот, радовалась, что швея так быстро согласилась. Она бы и без этой монетки поехала с нами. Мать с сыном явно голодали, и от этого я еще сильнее злилась на старосту.

Поэтому, когда мы вернулись к повозке, так и стоявшей у его дома, я отказалась от приглашения старосты отобедать с его семьей, напомнив, что я жду его через два дня в поместье с полным отчетом.

К этому времени Маруся с сыном догнала нас и теперь испуганно мялась под злобными взглядами старосты, теребя в руках узелок с пожитками.

Я с высоко поднятой головой первой забралась в повозку, за мной последовали и остальные, рассаживаясь по лавкам. Пацанчик испуганно жался к боку матери, а она сама, как мне казалось, вот-вот упадет в обморок от голода.

Вернулись мы в поместье даже быстрее, чем добирались в деревню.

Маруся рвалась сразу же взяться за работу.

— Никакой работы, пока не пообедаем. Пойдемте со мной на кухню, я познакомлю вас с Миной, лучшей кухаркой на свете. Она вас накормит и поможет устроиться на новом месте. А потом уже Несса, наша горничная, проводит вас в мою комнату.

Я сама сопровождала гостей в святая святых нашей кухарки — на кухню.

— Тетушка Мина, это Маруся, она швея, будет теперь помогать нам в поместье. А это ее сын.

Мальчишечка все так же жался к матери, держась худенькой ладошкой за ее юбку. В нем, видимо, боролись два чувства: страх перед неизвестным и простое детское любопытство. Глазенки так и сверкали из-под длинной челки.

— Выдели им, пожалуйста, комнату да накорми. А уж потом пусть Несса проводит ее в мои покои.

Сердобольная кухарка, только глянув на новых жителей поместья, сразу же принялась за дело.

— Вещички ставь покамест сюда да за стол садись. У меня как раз и обед подоспел. И сына своего сажай поближе.

Маруся смущенно глянула на меня, видимо не ожидая такого приема. Я подбадривающе ей улыбнулась.

— Обедайте, потом располагайтесь на новом месте, не спешите — не горит.

И чтобы не смущать женщину еще больше, пошла на выход из кухни. В спину прилетело:

— Барышня, я вам сейчас обед накрою в малой столовой.

— Спасибо, Мина, я только разденусь и руки помою.

По пути уже привычно заглянула к папеньке. В кресле сидела Несса. Рассказала ей о наших новых жильцах. Девчушка обрадовалась, сказав, что теперь в доме будет веселее.

Я только улыбнулась ее юной непосредственности. Несса, словно маленькое солнышко, заряжала меня энергией. Милая, жизнерадостная малышка! Несмотря на то, что ей пришлось пережить, она никогда не унывала!

В комнате я повесила плащ в шкаф, сдвинув в сторону кружевные детские платья. Нужно будет их убрать, слишком много места занимают. Интересно, можно их продать? Я взяла одно в руки, платье выглядело как новое. Попрошу Нессу аккуратно их упаковать и при первой же поездке в город попробую продать, вот только это оставлю на память.

Я отложила в сторону платье из моего сна. В нем Каталина когда-то была счастлива, и у меня рука не поднималась избавиться от него.

Пошла в ванную помыть руки и умыться с дороги. Пыль за повозкой поднималась знатная, она проникала во все щели, оседая на коже, волосах и одежде. Теперь у меня в ванной всегда стояло ведро с водой, которую обычно приносил Гурий. Холодная, правда. Но я сейчас была рада даже этим нехитрым удобствам.

Желудок громким урчанием напомнил, что меня уже давно ждет обед.

В столовой действительно был уже накрыт стол. Мины не было, не иначе пристраивает Марусю с сыном на новое место жительства. А ведь я так и не спросила, как зовут парнишку.

В столовую заглянула нянюшка, я позвала ее отобедать вместе со мной.

Нянюшка достала из стоящего у стены буфета еще один набор столовых приборов, разлила по тарелкам густую похлебку. Фасолевая! Очень вкусно, в бульоне даже плавало крошечное крылышко. Не иначе Касьян успел сходить на охоту. Интересно, как называется эта птичка?

— Перепела это. Их по весне в лугах полным-полно. Касьян с Гурием на них силки ставят. Поутру опять несколько штук принесли. Мина их на лед положила, теперича на неделю вперед хватит.

— Нянюшка, скажи, а домовые бывают?

Она глянула удивленно — слишком резко я поменяла тему, вспоминая ночное происшествие.

— Да что ты, милая! Они же только в сказках бывают да в былинах.

— Расскажи мне, — попросила я. До сих пор не верилось, что это случилось со мной. Может, это все же слишком реалистичный сон? А шкатулку с монетами я сама нашла — память тела, так сказать!

— Сказывают, что в стародавние времена в лесах и полях проживали особые магические существа, хранители. Они следили за порядком, говорят, им подчинялось все живое. И жили в те времена особые маги, которые могли говорить с этими хранителями. За небольшой дар хранители могли призвать дождь в засушливую погоду или помочь с урожаем. А главными хранителями считались домовые, что проживали рядом с людьми, следили за домом. Только сказки все это. Не существует таких магов. Есть лекари, природники, еще боевые маги, но чтоб с нечистью знаться — такие только в сказках бывают.

Ух как интересно! Оказывается, магия в этом мире все же есть, даже маги имеются! Вон как буднично о них нянюшка говорит. Придется разжиться литературой и на эту тему. Вопросов у меня становилось все больше, а вот времени на ответы категорически не хватало.

Но самое главное, что я уяснила: хранителей следует задобрить даром. Помнится, бабуля частенько последнюю конфетку или печеньку клала на специально выделенное для этого блюдце, всегда стоящее на подоконнике.

— Для хозяина! — говорила она, называя так домового. Я посмеивалась над ее чудачествами, а когда конфетка с блюда исчезала, думала, что бабушка сама ее специально прячет. А вот теперь я в этом уже не уверена. Может, действительно домовый забирал?

Последний кусок хлеба я завернула в льняную салфетку и потихоньку сунула в карман. Будет угощение для Антипки. Конфет у меня, увы, нет.

Выйдя из столовой, мы с нянюшкой разошлись в разные стороны, каждая по своим делам. Под дверью моей комнаты уже дожидалась Маруся в компании Нессы.

— Как устроились? Понравилась ли вам ваша комната?

— Госпожа баронесса! — Женщина сделала попытку упасть передо мной на колени, но я ее перехватила на полпути. — Вы наша благодетельница!

— Не нужно, и руки целовать мне не надо, давайте обойдемся без этого. Я, может, вас так работой нагружу, что вы еще пожалеете, что с нами поехали, — пошутила я.

— Я работы не боюсь. Да я для вас день и ночь шить да штопать буду, только бы Саний сыт был да в тепле!

Вот как, значит, ее сына зовут, красивое имя.

— Понравилось вашему сыну в поместье? — перевела я тему, открывая дверь в комнату.

— Очень! Столько впечатлений за день, что он уснул.

Она сложила руки и прижала их к груди, словно в молитве. Я снова разозлилась на старосту деревни. И как под его присмотром люди до такого дошли? На кусок хлеба молиться готовы.

— Вот, посмотрите! — указала я на тюки со старым барахлом. — Нужно все перебрать, посмотреть, что можно перешить и подогнать мне по фигуре. Все эти лишние юбки и рюши убрать. Одежда должна быть простой и удобной. У нас на чердаке еще много старых вещей. Все их нужно постепенно перебрать и приспособить под нужды жителей поместья. Так что работы у вас будет действительно много.

Маруся сразу же приступила к делу. Вытаскивая очередное платье, она его встряхивала, рассматривала со всех сторон и откладывала в сторону. Скоро около нее образовались две кучки. Я не стала ей мешать, поманив Нессу за собой.

— Для тебя у меня особое задание. Вот эти вещи нужно аккуратно упаковать. Мне нужно освободить шкаф.

Ну вот, все заняты делом. Несса стопками складывала детские платья Каталины, Маруся с упоением рылась в тряпье, занимаясь его сортировкой.

Я не стала им мешать, потихоньку присела на кровать, достав из-под подушки свод законов. Не успела я прочитать и пяти страниц, как рядом послышалось деликатное покашливание. Подняла глаза. Передо мной стояла Маруся. Отложив книгу, я вопросительно на нее посмотрела.

— Вот взгляните, госпожа баронесса, сюда я отложила вещи, которые можно быстро подогнать по фигуре, — указала она на небольшую кучку. — А здесь вещи, которые придется полностью перешивать. На это потребуется больше времени.

— Хорошо, делайте то, что считаете нужным. Можете забрать эти вещи к себе в комнату и спокойно заниматься работой.

— Мне нужно с вас мерки снять, барышня!

Взгляд женщины стал уверенней. Было видно, что она любит свою работу. Вон как увлеченно копалась в старом барахле. И как такая мастерица оказалась в захолустной деревне?

— Маруся, расскажите, как вы оказались здесь. Почему не пошли в город, ведь там легче найти работу? — спросила я, пока она крутила меня во все стороны, снимая мерки.

— Так некуда мне идти было. Мужа призвали на войну сразу после нашей свадьбы, мы и пожить не успели. Его в одном из последних боев убило. Свекровка, как об этом узнала, так сразу меня из дома и погнала, недолюбливала она меня. Вот так я и оказалась на улице с сыном на руках да швейной шкатулкой в котомке.

Прибилась к одному обозу, проходившему мимо. Обшивала их в дороге. А когда обоз в этих местах на ночлег остановился, пришел местный староста, все товар выменивал. Ковры да статуэтки серебряные предлагал. Вот он и увидел, как я у костра очередную рубаху штопаю, а Саний рядом ползает. Предложил мне в деревне остаться. Говорил, полно изб пустующих. Что не всю же жизнь мне с малым дитем по обозам скитаться.

Я и согласилась. Потом много раз жалела. Староста с меня за проживание плату требовать стал, а откуда у меня деньги? А он все в долг записывал. Грозился, если сбегу, в тюрьму как

воровку засадит. Намекал, что долг в его постели отработать могу. Вот только не смогла я! Тогда он и выверился, совсем нам житья не стало. Думала, уже с голоду нам помирать, да тут вы, барышня, словно ангел, на пороге появились.

Я слушала этот нехитрый рассказ, а внутри меня волнами накатывала злость на местного старосту, издевающегося над беззащитной женщиной. И кстати, откуда у него ковры и серебро для продажи?

— Как здесь, однако, холодно! Вам бы камин затопить!

Опомнившись, я глянула на зябко потирающую плечи Марусю. В комнате действительно резко похолодало, на прикроватной тумбочке выступил морозный узор из инея. Странно! Может, сквозняки?

— Хорошо, забирайте все вещи к себе в комнату, можете спокойно заниматься работой. Здесь никто с вас за постой платы не потребует. Несса, ты закончила? Помоги Марусе. А мне делами заняться пора.

Давно пора! Я потрогала рукой лежащий в кармане кусочек хлеба.

Глава 11

Как только дверь за девушками закрылась и я осталась в комнате совершенно одна, подошла к старому зеркалу, заправила за ухо выбившийся из прически локон.

Будто кто за руку потянул, коснулась своего отражения. Пальцами очертила контуры лица, словно запоминая, сливаясь воедино, окончательно принимая новый облик.

Стекло приятно холодило кончики пальцев, я сама не заметила, как стала меньше мерзнуть. Прохлада даже начала мне нравиться.

Ладно, что-то я расслабилась, у меня же дело!

Воровато осмотревшись, словно за мной мог кто-то подглядывать, выложила на прикроватную тумбочку кусок свежего хлеба, развернула салфетку и, набравшись смелости, позвала:

— Хозяин, покажись!

В углу за шкафом уже знакомо зашуршало, и показался домовый.

— Как ты меня назвала, ведунья?

— Хозяин. Ведь ты же хозяин в этом поместье.

Я говорила интуитивно, вспоминая слова бабушки Анны. А она говорила: «Доброе слово и кошке приятно».

Мои слова, видимо, очень понравились Антипке. Он подбоченился, задрал кверху нос так, что куцая бородка торчала вперед лопатой. Смешной он!

— Прими от меня гостинчик небольшой.

Домовой принялся, курносый нос смешно зашевелился.

— Это мне? — Он недоверчиво смотрел на лежащий перед ним кусок хлеба. — Давненько никто со мной угощением не делился!

Аккуратно взял хлеб в маленькие ручки, откусил кусочек и зажмурил глаза от удовольствия.

— Хозяюшка, да я за такое угощение тебе верой и правдой служить буду!

— Да угощение нехитрое, вот когда у нас в поместье дела пойдут на поправку, я тебя и пирогом угощу, и конфетами. А может, ты сметанку любишь?

Я вспоминала, что там еще в сказках домовые любят. Как говорится, сказка ложь, да в ней намек... А намек оказался очень даже осязаемым, вон передо мной стоит, краюху хлеба доедает.

Домовенок мечтательно причмокивал губами, когда я перечисляла, чем еще смогу его угостить.

— Сметанка — это хорошо, сметанка — это вкусно... Так же ж ты расселась? Давай поместье в порядок приводить!

Вот это стимул! Мне даже ни о чем просить не пришлось.

— Самый старый клад в подвале схоронен. Лампу с собой возьми. — Антипка скептически осмотрел меня и добавил: — И переоденься, что ли, запачкаешься. Да голову прикрой, паутина там...

Мамочки! Паутина! А где паутина, там пауки, а я с детства их не люблю. По спине и рукам пробежала толпа мурашек.

Переодеться. Выбор гардероба у меня небогат. То, что на мне, да темное старенькое платье, в котором я вчера занималась уборкой. Самое то для вылазки в подвал.

— Отвернись, пожалуйста, — попросила я домового. Все-таки мужчина, пусть мне всего по колению.

Антипка послушно повернулся ко мне спиной. Я быстро натянула старое платье, на голову тюрбаном наверхтела длинную шаль. Вот только с лампой заминка вышла.

Кто-то вновь наполнил ее маслом, только как ее зажечь — я понятия не имела.

— Беда с тобой прямо, — беззлобно проворчал Антипка. — Огниво вон у камина возьми.

Благодаря инструкциям домового я быстро научилась добывать искру, которая, попав на фитиль лампы, вспыхнула маленьким огоньком.

Лампа была похожа на чайную чашку с удобной ручкой, за которую я ее и взяла. В другую руку схватила веник, который оставила в комнате Несса. Буду пауков отгонять.

Смотрелась я, наверное, очень комично. Главное, чтобы меня в таком виде никто не увидел. Но это забота домового.

Антипка повел меня по коридору напрямик к камину в большом зале. Там велел нажать в определенной последовательности на несколько завитушек, и вдруг прямо передо мной часть стены сместилась в сторону. Открылась небольшая щель.

— Заклинило! — выругался домовый.

— Ничего, я пролезу.

Бочком прошмыгнула в узкую щель. Здесь, оказывается, тайный ход есть.

Узкий коридор, сложенный из камня и никогда не знавший штукатурки, метра через три закончился лестницей, ведущей вниз. Никаких перил здесь отродясь не было. Поэтому я потихоньку, шаг за шагом, спускалась на следующую ступеньку, подсвечивая себе лампой.

Но вот нога коснулась пола. Простого земляного пола. Подняла лампу повыше. В тусклом желтоватом свете увидела ровные ряды бочек. Винный погреб? И судя по обильной паутине, здесь уже давно не ступала нога человека.

Выставив перед собой веник словно шпагу, шагнула вперед.

— Веди меня, Сусанин! — пошутила я.

Домовой шутки не понял, но послушно засеменял вперед. И что интересно, ни грязь, ни паутина к нему не приставали, в отличие от меня.

Веник у меня в руках уже был густо обмотан обрывками пыльных паучьих тенет. Радовало только одно: самих хозяев паутины я до сих пор так и не встретила. Надеюсь, нам и в будущем не придется свидеться.

Домовой целенаправленно вел меня в дальний конец подвала. Остановился он у сплошной стены.

— Здесь! — указал Антипка на каменную кладку.

И что мне дальше делать? Разбирать стену?

Поднесла лампу поближе, присматриваясь. Несколько камней немного отличались от соседних. Между ними виднелись небольшие зазоры. Если не присматриваться, в тусклом свете ни за что не заметишь!

Отложила веник в сторону, лампу поставила прямо на землю и попыталась расшатать самый маленький камешек. Пальцы скользили по шершавой поверхности. Кажется, я сломала ноготь, но упорно тянула камень на себя. И вскоре он поддался. Дальше было проще. Один за другим я вытаскивала камни из стены, пока перед нами не открылась небольшая ниша, и в этой нише стоял обычный деревянный сундучок.

Я сжала перед собой кулачки и завизжала шепотом:

— Йес! У нас получилось!

Я готова была расцеловать домовенка, который невозмутимо наблюдал за мной. В работу он не вмешивался, только давал советы.

У сундука с двух сторон располагались металлические ручки. Ухватила за них, потянула на себя.

— Тяжелый, зараза!

Небольшой с виду сундучок оказался довольно увесистым. Вытащив из ниши, я плюхнула его себе под ноги. Присела прямо на колени в предвкушении, что сейчас увижу несметные богатства, выдохнула и потянула крышку вверх.

Фигушки! Сундучок оказался закрыт. Сбоку, словно насмехаясь, тускло поблескивала замочная скважина.

— Да чтоб тебя! — выругалась я в сердцах.

Придется его тащить наверх целиком. Вот только как это сделать? Сундук тяжелый, чтобы его нести, нужны две руки. А у меня тут лампа и защитный веник.

Домовой, видя мои метания, сразу предупредил, что не сможет мне помочь. Подсказать — это да, а вот лампу понести он не может. Не положено!

Кем не положено? И кто придумал такие дурацкие условия?

Поскакав кругами вокруг сундука, словно шаман в ритуальной пляске, я решила оставить веник тут. В одну руку взяла лампу, освещая себе дорогу, а другой ухватила сундук за ручку и потащила волоком по земле.

По подвалу эхом раздавался скрежет, после нас на пыльном полу оставалась широкая колея. Сундук норовил зарыться краем в землю, пытаюсь опрокинуться, скрипел и скрежетал, но я упрямо тянула, тихонько матерясь себе под нос.

Антипка с интересом прислушивался, но молчал. И правильно, я сейчас уставшая и злая, мне под руку лучше не попадаться!

Пот заливал глаза, сдула упавший на глаза локон, но он накрепко прилип к мокрому лицу. Не выпуская лампы из рук, мазнула по лицу локтем, заодно стирая пот.

Домовенок, глянув на меня, хотел, видимо, засмеяться, но, увидев выражение моего лица, только коротко хрюкнул и отвернулся.

— Млин-н-н!

Я вспомнила, что руки у меня все в пыли, представляю, какая у меня сейчас боевая раскраска на лице.

До лестницы мы добрались, и я присела на нижнюю ступеньку передохнуть. Спину ломило от напряжения. Какая же я слабенькая!

Не дала себе долго расслаживаться, чтобы мышцы не успели остыть. Лампу поставила на несколько ступенек выше и вернулась за сундуком. Кряхтя, закинула его на первую ступень, затем на вторую. Прошла, наверное, целая вечность, когда лестница осталась позади. Впереди уже виднелась полоска света.

Еще немного — и я выберусь из этого подземелья. Не давая себе расслабиться, упрямо потянула за ручку сундука. Этот отрезок пути преодолела за рекордное время. Выглянула в приоткрытую щель тайного хода — в зале никого. Народа в поместье немного, и все, видимо, сейчас заняты делом.

Покряхывая, пролезла в щель, с трудом пропихнув сундук. Поочередно нажала на завитки, которые служили украшением камина, потайная дверь тихонько встала на место. И только кучка грязи и пыли указывала на то место, где я только что выбралась на свет.

Лампу затушила и поставила на каминную полку. Потом ее заберу. Теперь нужно доставить сундук в мою комнату.

Бабуля всегда повторяла, что если женщина что-то не в силах поднять, то она всегда может дотащить волоком. А еще она показала мне, как хрупкая на вид женщина может спокойно переставить шкаф в другой угол. Она просто подложила под его ножки мокрую тряпку, и шкаф сам заскользил на нужное место.

Я стянула с волос тюрбан из шали. Постелила ткань на пол, сверху поставила сундук. Потянула за конец шали, и вся конструкция легко заскользила по мраморному полу. Так что до комнаты я добралась относительно быстро и теперь при дневном свете могла получше рассмотреть свою находку.

Деревянный ящичек был отделан широкими коваными металлическими уголками, добавляющими ему прочности и веса. При этом невозможно было определить возраст сун-

дучка. Хоть он и был изрядно запылен, но выглядел как новенький. Вероятно, им никогда не пользовались, сразу же спрятав в тайник.

И он был надежно заперт. С всяким замком я бы быстро справилась, а вот вскрыть внутренний запор намного сложнее. И помощи просить я опасалась. Насторожил рассказ Маруси о продаже старостой деревни предметов роскоши. Вот откуда он их брал? Не иначе как из поместья. Значит, у него здесь должен быть сообщник. А в моем случае лучше перебдеть, чем недобдеть.

Поэтому пляски с бубном вокруг сундука продолжились. Я примеривалась и так и эдак, но замок был неприступен.

— Ты кочергой, кочергой попробуй, — посоветовал домовый, о котором я совершенно забыла, так увлеклась. Антипка сидел на краю кровати и с интересом следил за моими метаниями.

Я резко остановилась.

— Точно! Спасибо! — поблагодарила его за ценный совет.

Кочерга нашлась у камина. Здоровенная кованая штука с острым загнутым концом. Сначала я попыталась этим самым концом пошерудить в личинке замка, но тот стоял насмерть.

— Крышку, крышку поддень! — снова донеслось со стороны кровати.

Сдув с глаз совсем уже растрепавшиеся волосы, кивнула и подцепила край крышки. Вот только силенок у меня для этого оказалось маловато.

Взгляд снова переместился в сторону камина. Может, там еще что-нибудь полезное найдется?

В камине лежали дрова. Несколько довольно крупных чурбачков очень даже неплохо подошли...

Развивать свою мысль я не стала, просто подтащила чурбачки к сундуку, вновь подсунула кочергу под край крышки сундука. Чурбачки подложила под кочергу и со всей дури прыгнула на ручку торчащей железки.

Дайте мне рычаг, и я переверну Землю!

Я отлетела в одну сторону, кочерга в другую, крышка сундука в третью.

Потирая ушибленный бок, на который приземлилась, поковыляла назад к сундуку. С кровати на меня испуганно смотрел домовый. Он успел подтянуть ноги повыше и сейчас, обхватив их руками, выглядывал из своего укрытия круглыми, как у совы, глазами.

— Ну а чо, получилось же! — пробормотала я в свое оправдание. О том, что могла серьезно покалечиться, подумалось с опозданием. Самое главное — сундук-то я открыла!

Воспитанная на современных приключенческих фильмах, заглядывая в деревянный ящик, я ожидала увидеть блеск многочисленных сокровищ.

Но внутри ничего не блестело, там плотными рядами были уложены разные коробочки и кожаные мешочки.

Взяв в руки верхний мешочек, потянула за шнурок. Внутри лежали, судя по всему, монеты. Похоже на бронзу. Я, как химик, в этом немного разбираюсь.

Высыпала монетки на ладонь, пересчитала. Ровно десять штук. В следующем кожаном мешочке лежали такие же монеты в количестве десяти штук. Благодаря нянюшке я уже немного разбиралась в денежных единицах этого мира. Такая монетка была в моем детском тайничке, и она оказалась там самой крупной по достоинству. А это означает, что в каждом из этих мешочков приличная сумма насчитывается.

Из кошель с бронзовыми монетами были выложены три верхних ряда сундука. В кошель из четвертого ряда оказались серебряные кругляши. Их все так же было по десятку в каждом мешочке.

Пятым, нижним рядом лежали еще два кошель и несколько бархатных коробочек. В этих мешочках лежали настоящие золотые монеты. Целое состояние! А вот в обтянутых бархатом

коробочках действительно блестело и сверкало! Великолепные украшения из жемчуга, изумрудов и рубинов.

Я сидела прямо на полу, а вокруг меня кучками лежали сокровища. Домовой перебрался поближе и с интересом заглядывал в каждый мешочек и коробочку.

Последней, с самого дна, я достала плоскую коробку, обтянутую белым шелком, кое-где уже слегка пожелтевшим. На мгновение замерла, футляр казался очень холодным, словно был сделан из цельного куска льда.

Аккуратно открыла крышку и застыла, разглядывая необыкновенной красоты украшения. Перстень, браслет и тиара — все это было словно соткано из крохотных тончайших снежинок, сверкающих сотнями маленьких камешков, которые вспыхивали в лучах солнца, заглядывающих в окно.

Все украшения лежали в специальных гнездах, вот только одно из них пустовало, словно там должна была лежать небольшая подвеска на цепочке.

Свободная рука сама легла на грудь, где уже много лет висела подвеска в виде снежинки, точной копии лежащих в футляре украшений.

Подвеска висела там же, где до этого провела несколько лет. Я настолько к ней привыкла, что попросту ее не замечала, словно она часть меня.

Как? Как она попала в этот мир?

— Что это? — Вопрос сам сорвался с моих губ.

— А вот и утерянный двести лет назад родовой комплект. Вот, значит, где он все эти годы хранился! А откуда у тебя эта подвеска?

— Мне ее бабушка подарила. Сказала — мое приданое.

— Какая бабушка? Ни твоя бабка, ни твоя мать никогда в руках не держали этих украшений. Последний, кто прикасался к ним, была твоя прабабка. Вот только она пропала, сбежала с молодым военным, магом между прочим, квартирующим в поместье. А вместе с ней исчезли и украшения. Впрочем, ее в этом мало кто винил, твой прадед был на удивление властным и деспотичным мужчиной. Вот и остался один, с сыном и дочерью на руках.

Как говорится, упс! И кто меня за язык тянул!

Антипка продолжал испытующе смотреть прямо на меня. Даже не моргал, словно я могла раствориться в воздухе. Вот только я так не умею, это он у нас специалист по таким трюкам.

— Как ты думаешь, кроме этого мира, есть еще другие? — задала я наводящий вопрос.

— Конечно есть! Вокруг нас всегда существует множество других миров. Маги этим иногда пользуются. А тебе зачем? — Он с подозрением уставился на меня.

— Как бы это попроще-то... В общем, я пришла из одного такого мира...

— А это многое объясняет! — Он вроде даже обрадовался. — А я все гадал, откуда в тебе две магии разом. Это такая редкость. Ну ладно родовая. Я ее в тебе сразу углядел. Слабенькая, но всегда была, с самого твоего рождения. Правда, теперь, когда нашлись родовые украшения, она станет много сильнее. А вот откуда в тебе еще одна взялась, да еще такая редкая, ведовская, все понять не мог! Рассказывай!

И я ему всю свою жизнь рассказала, автобиографию значит. Родилась, училась, работала... Жизнь пролетела как один миг, а что в итоге?

— Раз высшие силы перенесли тебя в тело погибшей Каталины, значит, это для чего-то нужно. А кто будет спорить с высшими? Да и что-то мне подсказывает, что неспроста на тебе это украшение, не чужая ты роду Снежных!

Фух! Даже от души отлегло! Я очень боялась, что домовой начнет вопить: «Самозванка! Обманом заняла чужое тело!»

— Ты по-прежнему будешь мне помогать?

— Служить ведунье рода Снежных для меня честь! — Он даже поклонился, произнося эти слова.

— Спасибо! Я очень ценю твою помощь! — заверила я его. — Что же теперь делать с этими сокровищами? На виду оставлять нельзя!

В результате украшения и мешочки с золотом мы спрятали в том самом тайнике, где я нашла свой детский клад.

Больше туда не уместилось. Серебро спрятала, можно сказать, на виду. У шкафа, на самом верху, имелось резное украшение, которое немного выступало над ним. Так вот за этим украшением я и положила десяток кошель с серебром. Правда, для этого туда еще пришлось не без труда забраться. И скажу вам, это было нелегко! Пришлось собрать в кучу всю мебель в комнате, которую я была способна самостоятельно передвинуть.

Бронзовые монеты я попросту сложила назад в сундук и задвинула под кровать. У меня совершенно не было сил придумать что-то еще.

Из зеркала на меня смотрела чумазая всклокоченная девчонка, больше похожая на кики-мору. Да и пахло от меня соответственно.

Кое-как привела себя в порядок с помощью холодной воды и в который раз поблагодарила домового за то, что надоумил прикрыть волосы.

Переоделась в чистое платье, причесалась и заново заплела косу. Затем немного прибралась в комнате, скрывая следы своей недавней деятельности. Еще раз покрутила в воздухе кочергу, взвешивая на руке. А из нее при надобности получится грозное оружие!

Когда со всем этим было покончено, я с ног валилась от усталости, но впереди меня ждала еще масса дел. Словно в подтверждение этого, в дверь постучали.

Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась мордашка Нессы.

— Барышня, ужин подан!

Глава 12

Оказывается, пока я возилась с кладом, незаметно пролетел почти весь день. Так устала, что в столовую идти совсем не хотелось. Но надо! Нужно усиленно питаться.

Это тело такое слабое, что я прочувствовала сегодня на себе в полной мере, сделав в памяти зарубку заняться физическими упражнениями. Начну прямо завтра, сегодняшнюю прогулку по подземелью можно вполне засчитать за силовую нагрузку.

Поэтому я ответила:

— Спасибо, Несса, уже иду.

Обернулась в поисках домового, но того уже и след простыл, настоящий мастер маскировки!

По пути в столовую уже привычно зашла проведать родителя. Нянюшка как раз скармливала ему остатки бульона.

Барон выглядел значительно лучше, землистый оттенок сошел с лица, хотя бледность еще не покинула его. И хотя он, видимо, уже передумал отходить в мир иной, лекарь ему не помешал бы. И вот об этом мне нужно поговорить с нянюшкой.

— Нянюшка, поужинаешь со мной?

— Конечно, детка. Иди, я скоро буду.

Взгляд женщины, стоило ей только посмотреть на меня, сразу же смягчился, нянюшка смотрела на меня с материнской нежностью. Вот не верю я, что эта женщина может быть причастна к делам старосты из Ближнего!

И я решила, что расскажу ей о кладе, правда, про фамильные украшения и золотые монеты пока умолчу. Это на крайний случай! Я и себе велела забыть о них до поры до времени!

В столовой хлопотала Мина, накрывая на стол. Я перекинулась с ней парой слов, спрашивая, как прошел день и как устроились наши новые жильцы.

— Да хорошо устроились. Маруся, как узлы с тряпьем в свою комнату принесла, так все сидит, шьет что-то. И сынишка у нее хороший, спокойный. Сидит себе тихонько весь день, никому не мешает.

То, что никому не мешает, это, конечно, хорошо, но как-то неправильно. Дети в его возрасте должны проводить время в играх и познании нового. Кстати, помнится, на чердаке был ящик с мальчишечьими игрушками и что-то из вещей попадалось. Пообещала себе, что завтра обязательно поднимусь на чердак, подберу подарок для самого юного жителя поместья.

Подошла нянюшка, и Мина оставила нас вдвоем.

— У меня еще дел невпроворот. Аграфена Гавриловна, проследите, чтоб барышня все съела. Вон худюша, словно былинка на ветру!

Мне была приятна эта забота, она теплом окутывала уставшую душу. Все в поместье относились ко мне очень хорошо, словно мы одна большая семья! Мне было неловко подозревать кого-то из них в пособничестве вороватому старосте. Поэтому, как только мы закончили с фасолевой похлебкой, я сразу же приступила к расспросам:

— Нянюшка, мне показалось или староста Ближнего совсем не бедствует, в отличие от остальных жителей деревни?

— Степан-то? А чего ему бедствовать? Этот пройда, как Натан с войны воротился да за горькую взялся, все кругами тут отирался, барону в доверие вошел. Собутыльничал с ним да вино доставлял. А барон для этого дела позволил Степану брать из поместья все, что тому заблагорассудится, лишь бы вино не переводилось. Вот он верхний этаж и вывез подчистую. На хозяйский-то сунуться, видно, побоялся, а с нижнего мы его сами погнали, хоть он грозился

нам всеми карами небесными, обещал, что барону пожалуется и тот погонит нас из поместья. Тогда ему полное раздолье было бы.

Но, видать, папенька твой еще не весь разум пропил, понимал, что без нас совсем сгинет. Тяжелый разговор тот был, после этого Степан малясь хвост-то поприжал, а там уже к нам в гости сосед, барон Мерзякин, зачастил. Все просил продать ему Озерное. Зачем-то оно ему понадобилось. А как узнал, что оно тебе принадлежит, так свататься надумал.

Со старостой все ясно! Гнать его надо, но это после того, как он мне отчет за последний год предоставит. Про жениха моего новоявленного тоже было очень интересно послушать, вот только сил совсем не было. Устала, словно весь день вагоны разгружала.

Да и не это сейчас главное.

— Нянюшка! А как далеко отсюда до города?

— День с небольшим, если с ночевой. А ежели верхом — и за день можно управиться.

Далековато! Просто так в магазин не сгоняешь! К поездке серьезно готовиться нужно.

— Нянюшка, мне в город нужно.

— Да чего тебе там делать? Только домой воротилась.

— Нянюшка, у меня деньги есть. Нужно провиантом закупиться да батюшке лекаря привезти.

— Откуда ж у тебя деньги? — Нянюшка удивленно и недоверчиво смотрела на меня. Видимо, решала, не тронулась ли я умом.

Про домового я ей рассказать не могла, тогда она меня точно за полоумную примет. Решила немного схитрить.

— Сон мне снился, будто в подполе тайник с монетами припрятан. А как проснулась, сон тот все из головы не шел. Решила проверить то место. Рассказывать никому не стала, вдруг ерунда все это! А там действительно тайник и монеты в сундучке. Много. Нянюшка, у нас теперь есть деньги!

Женщина вдруг тихонько заплакала. Слезы текли по ее лицу, и она тихонько утирала их передником.

— Нянюшка! Что с тобой? Ты не рада? — испугалась я.

— Рада я, рада! Это я от радости. Может, действительно удастся тебе восстановить поместье.

Я успокоилась и даже зевнула, прикрывая рот ладошкой. После сытного ужина клонило в сон.

— Только, нянюшка, нужно списки составить, что в городе купить надо. А для этого полный осмотр поместья нужен. И записать все...

Я зевнула снова, мысли начинали путаться.

— Завтра, все завтра сделаем. А теперь спать пора. Умаялась, родимая.

И нянюшка, приобняв меня за плечи, повела в мою комнату. Там она словно ребенку помогла мне раздеться, распустила косу и, уложив в кровать, подоткнула одеяло.

Глаза слипались, я почти сразу же задремала, и сквозь сон слышалось:

— Спи, голубка моя. И пусть у тебя все получится! Да хранят тебя боги.

Глава 13

Проснулась я ранним утром, светало. Первые солнечные лучи робко заглядывали в окно. С удовольствием потянулась, чувствовала себя отлично отдохнувшей.

Вспомнила свое вчерашнее приключение, откинула одеяло и, путаясь в нем ногами, свесилась с кровати головой вниз.

Сундучок мирно стоял там же, куда я его вчера задвинула. Завозившись, чуть не слетела с кровати, выпутываясь из одеяла. Длинная сорочка задралась выше колен, сковывая движения. Сюда бы мою удобную пижамку!

Наконец я победила пленившее меня одеяло, не желавшее отпускать из своих теплых уютных объятий. Сунула ноги в меховые чуни и, встав, потянулась уже в полный рост. Энергия была ключом, и я с огромным удовольствием сделала зарядку, физические упражнения всегда бодрили с утра.

А теперь водные процедуры. Брр, вода холодная. Нужно с этим что-то делать. Я люблю воду, люблю бесконечно долго стоять под упругими струями душа или нежиться в ванне с душистыми маслами.

Покосилась на глиняное корыто. Нескоро мне удастся насладиться такими привычными радостями. Для этого сначала придется ударно потрудиться, и начинать нужно прямо сейчас.

Переделалась и заплела тугую косу. В комнате стало светлее. Думаю, сегодня будет прекрасный солнечный день, а значит, у меня будет возможность наконец-то осмотреть поместье снаружи.

А сейчас у меня есть небольшое дело, которое я не хотела откладывать на потом. Приподняв длинную юбку, бегом припустила к лестнице. На одном дыхании взбежала вверх до самого чердака.

Насколько я помню, детские игрушки лежали в ящике, стоявшем у самой двери. Деревянная лошадка, игрушечный меч в потертых кожаных ножнах. Видимо, прежний хозяин очень любил эту игрушку. Еще несколько глиняных фигурок воинов, у одного отколота рука, второй потерял свое оружие в давних баталиях.

Отобрала самые интересные, на мой взгляд, игрушки, сложив их кучкой. Теперь детские вещи.

Я встала посреди чердака, воскрешая в памяти свой прошлый визит сюда. А на память я никогда не жаловалась. Нашла глазами нужный сундук и принялась за изучение его содержимого.

В результате к кучке игрушек прибавились три рубашки, пара штанов и теплый камзолчик из шерсти. Сейчас я вертела в руках не то длинные носки, не то короткие чулочки. Так и не решив, что это, положила в общую кучу. Пусть Маруся сама решает, нужно им это или нет.

Последним в кучку я добавила симпатичный картуз из плотной ткани, отлично держащий форму. Критически осмотрела свои находки и направилась к сундуку, где лежали шторы и куски старых, выцветших от времени тканей. Подобрала нужный мне отрез ткани, сложила на него свои находки, завязав тугим узлом, закинула через плечо.

Спустившись вниз, напрямик направилась на кухню. Как и думала, застала всех за ранним завтраком.

Кухарка подорвалась мне навстречу.

— Куда ж вы в такую рань-то, барышня? Нет бы немного в постельке понежиться. Сейчас я вам в столовой накрою.

— Некогда мне в постельке нежиться, Мина, дела не ждут. Не нужно мне в столовой накрывать, я с вами посижу.

Под взглядом матери Гурий подскочил, подавая мне табурет. Несса быстро поставила на стол тарелку и глиняную кружку, которую Мина сразу же наполнила горячим душистым отваром. Касьян подсунул кусок свежего, еще теплого хлеба.

— Это хорошо, что вы здесь все вместе. Я хотела бы со всеми вами поговорить.

Я обвела всю компанию взглядом. Не было только нянюшки. Видимо, снова дежурит у кровати барона.

— Вы ешьте, ешьте. Дела подождут, — перебила меня Мина, подкладывая в миску каши. И добавила: — Несса, доедай да позови к столу Аграфену Гавриловну.

И то верно. Начинать разговор без нянюшки не стоит. Она авторитет для всех и моя поддержка.

Несса энергично кивнула, только косички закачались в ответ.

Когда горничная вприпрыжку унеслась по данному ей поручению, а я с удовольствием доела такой вкусный завтрак, вспомнила про узел, так и лежавший неподалеку от двери, куда я его положила, зайдя на кухню.

— Маруся, как вам спалось на новом месте?

Женщина вскочила со стула, поклонилась.

— Очень хорошо. Спасибо вам, барышня, за все, что вы для нас сделали.

Руками она комкала фартук, видимо выданный ей Миной.

— Саний, у меня для тебя есть подарок, — обратилась я к малышу, сидевшему за столом рядом с матерью. Глазки парнишки зажглись интересом, он было дернулся мне навстречу, но мать придержала его за худенькое плечико.

— Все хорошо, Маруся, — успокоила я швею. — Саний, помоги мне.

Я развязала узел и первым вытащила из него меч.

— Саний, это тебе. Возможно, в будущем ты станешь отважным воином.

Мальчик взял из моих рук деревянную игрушку и с по-взрослому серьезным видом уверенно произнес:

— Благодарю вас, госпожа. Обещаю быть отважным воином и вашим защитником!

— Спасибо, Саний. Защитники мне сейчас бы не помешали. Вот здесь для тебя еще немного игрушек.

Я передала пареньку лошадку и глиняных солдатиков. Собрав в охапку подарки, онглянул на мать. Та с улыбкой кивнула.

— Иди в комнату, взрослым поговорить нужно.

Саний степенно вышел из кухни и только за дверью, когда его уже никто не видел, перешел на бег. По каменному полу быстро застучали маленькие ножки. Все невольно улыбнулись, понимая, как мальцу хочется поскорее опробовать новые игрушки.

— Маруся, здесь детские вещи. Все, что я смогла найти более-менее по размеру. Думаю, вы сами разберетесь.

Я передала ей то, что осталось в узле. Когда женщина заглянула в него, по ее щеке показались одинокая слеза. Я не стала смущать ее еще больше, вновь села за стол. В это время как раз и нянюшка подросла.

Касьян встал, уступая ей свое место. Теперь все взрослые в сборе. Несса осталась дежурить у дивана барона.

Еще раз окинув всех взглядом, я начала свою речь:

— Всем вам лучше меня известно, в каком плачевном состоянии находится поместье. Папенька за несколько послевоенных лет не только не исправил нанесенных войной убытков, а еще больше усугубил положение. И если не предпринять никаких действий, поместье будет потеряно навсегда!

Я обвела взглядом внимательно слушающих меня людей, которые должны сейчас решить: поддержат они меня в трудный час, станут для меня семьей и опорой, или нам придется расстаться навсегда.

— Через два года наступит мое совершеннолетие, и право управлять помещьем полностью перейдет ко мне. Мне с вашей помощью нужно продержаться эти два года, при этом я не хочу выходить замуж или подчиняться папеньке, который чуть не пустил мое наследство с молотка! Пока папенька находится в бессознательном состоянии, я решила принять управление помещьем на себя. В монастыре я прочитала много умных книг. Знаю интересные вещи, способные облегчить жизнь, но без вас у меня ничего не получится.

Я давно решила объяснять все непонятные вещи тем, что вычитала их в заумных книгах монастыря. Так будет намного проще. И лишних вопросов будет меньше.

Первым отреагировал Касьян:

— Что ж, госпожа баронесса, если вы действительно желаете возродить поместье, мы всегда будем с вами. Да только уж больно тяжела эта ноша для женщины.

— Вот для этого я и прошу вашей помощи. Одной мне не справиться. Мне очень нужно знать: чем жило, чем кормилось поместье до войны? Что мы можем восстановить в первую очередь? Наверное, уже нужно засеивать поля?

— Пора-то пора! Да только нечем, семян-то нет.

— Семена мы купим. Только мне нужно знать сколько и какие!

В кухне повисла тишина. Видимо, все сейчас думали, что барыня их умом тронулась или не понимает, что творит. Вон Мина смотрит с сочувствием.

А я с победной улыбкой продолжила, уверенно глядя на удивленные лица:

— У меня есть деньги! Немного, но на самое необходимое должно хватить. Поэтому нам нужно составить список этого самого необходимого. Мина, на тебе список необходимой провизии. Касьян, тебя прошу заняться подготовкой к посевной. Нянюшка, с тебя остальные хозяйственные нужды. Маруся, жду список того, что понадобится для того, чтобы сначала пополнить наш гардероб, а потом помочь жителям деревень. Иппатий, за вами присмотр за больным бароном. Берите в помощь Нессу и Саня.

Все указания я давала твердым уверенным голосом. Только так можно дать людям поверить в тебя, это я поняла, еще будучи руководителем косметической фабрики. Сколько раз мне приходилось блефовать, и это помогало держать производство на плаву. Люди мне верили.

— Нянюшка, покажи мне, пожалуйста, все поместье. Мина, прошу подать мне обед в кабинет, позже я рассчитываю заняться бумагами отца.

Распоряжения отданы, люди оживились. Ведь всегда проще, когда кто-то решает все за тебя, давая четкие указания.

После завтрака я заглянула к себе, чтобы захватить шаль. Как бы ни припекало солнышко, в легком платье гулять еще рановато. Нянюшка ждала меня в большой гостиной, вместе мы спустились по широким каменным ступеням. Мимоходом подумала, как бы красиво смотрелись на этих ступенях большие вазоны с цветами.

И хоть вокруг царило некоторое запустение, все указывало на то, что прежде здесь было очень красиво. Прямо от крыльца в сторону ворот вела дорога, выложенная крупными камнями, а уже от нее в разные стороны разбегались многочисленные дорожки, посыпанные мелким гравием.

Возможно, это и было красиво, но ходить по таким дорожкам в туфельках на каблуке было бы очень неудобно. Даже сейчас, в ботиночках, я ощущала под подошвой маленькие камешки.

Ближе к дому дорожки ранее, видимо, окружали многочисленные цветочные клумбы. Их очертания еще угадывались в зарослях прошлогодней травы. Декоративные кусты давно

потеряли форму и буйно разрослись, отвоевывая свободную территорию. На многих уже распускались первые листочки.

В общем, перед домом, кроме кустов и пустующих клумб, смотреть было не на что. Но меня интересовали не они, меня интересовал хозяйственный двор усадьбы.

Мы обошли левое крыло дома, я попутно отмечала урон, нанесенный временем старым стенам.

Обогнув здание, мы сразу же попали в сад. Деревья стояли ровными рядами, дорожка убегала вглубь. За стволами виднелась беседка, большего отсюда я рассмотреть не смогла.

Сад — это хорошо. Надеюсь, там растут плодовые деревья, с которых можно собирать урожай. Нужно уточнить, как здесь хранят фрукты и ягоды. Я уже пробовала ягоды в меду. А варят ли здесь варенье?

Пока размышляла, мы уже прошли достаточно далеко, и сейчас передо мной раскинулось несколько одноэтажных сооружений, о назначении которых я даже не догадывалась.

— Что здесь, нянюшка?

Я осматривала большое каменное строение с высокой крышей и крепкими деревянными воротами.

— Склад это. В нем зерно хранили, семена для посадки, а вот тут, отдельно, складывали шерсть для последующей продажи.

Сейчас в огромном помещении было пусто. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Серьезное сооружение, внутрь спокойно можно въехать на телеге. Сам склад делился перегородками на секторы. Несколько комнат ближе к входу имели двери, которые, судя по всему, закрывались на замок. Вероятно, здесь хранили самое ценное.

Помещение прекрасно сохранилось, почистить от мусора — и можно пользоваться. Выходя, я плотнее закрыла дверь, переходя к следующей постройке.

— Здесь прачечная, — рассказывала нянюшка.

Заглянув в небольшую комнатку, я увидела несколько лавок и пару глиняных корыт. Судя по торчащей из стены глиняной трубе, водопровод был и здесь. Правда, на трубе висело кружево паутины, намекая на то, что им давно никто не пользовался.

— А здесь делали мыло и щелок для стирки.

Нянюшка уже вела меня в следующую дверь. Печь и несколько больших чанов подтверждали, что здесь действительно когда-то было производство, ныне заброшенное.

— Сейчас-то покупным пользуемся, а оно такое дорогое! — сокрушалась нянюшка, рассказывая про мыло. — А ранее все сами делали!

В следующем помещении стояла небольшая мельница. Здесь было чисто, и видно, что мельничкой часто пользуются по сей день.

А дальше мы попали на конюшню, которая была рассчитана на десяток животных, но сейчас здесь одиноко стояла лишь одна лошадка, на которой меня сюда и привезли. При этом конюшня была чисто прибрана, лошадка похрустывала сеном, горкой лежащим перед ней. Чувствовалось, что за конюшней и ее одинокой обитательницей хорошо ухаживают.

Напротив конюшни располагался каретный сарай, туда я даже заходить не стала, все равно ничего в этом не понимаю, а значит, нечего время терять.

Далее находился скотный двор, вот он интересовал меня намного больше. Я бы не отказалась от собственного молока и яиц. Да и постоянный источник мяса был бы кстати. Поэтому дотошно расспрашивала нянюшку, кто здесь обитал в прежние времена. Она сначала удивилась моему интересу, но после того, как я поделилась с ней своими мыслями, сама увлеклась этой идеей, заглядывая в маленькие клетушки, проверяя, что уцелело и что можно использовать в ближайшее время.

Было решено, что нянюшка составит список необходимой нам живности, но понадобится человек, который будет ухаживать за животными, потому как на Касьяна у меня имелись другие планы.

За скотным двором располагался большой каменный колодец с журавлем и огород, уходящий вдаль. Я поинтересовалась, что здесь сажают, нянюшка, немного подумав, посоветовала обратиться к Мине, этим в поместье заведовала наша кухарка.

Я не ожидала, что хозяйство окажется таким большим. Мы провели за его осмотром несколько часов. Ноги гудели, хотелось поскорее сесть, но я не показывала виду. Вон нянюшка намного старше меня, а держится молодцом!

Назад мы возвращались через правое крыло, в которое можно было попасть сразу со двора. Здесь располагались кладовые, погреба, сама кухня и комнаты прислуги.

На шум из комнаты выглянула Маруся. Увидев меня, она слегка смутилась, я улыбнулась ей, показывая, что не кусаюсь. И надо же было так запугать женщину, что она глаза поднять боится!

— Госпожа баронесса! — Она присела в легком реверансе. — Я перешила два платья, вы можете их примерить прямо сейчас.

— Спасибо, Маруся, давай позже, вечером. Дел сейчас слишком много. А где Саний?

При упоминании сына улыбка женщины стала шире, она с гордостью ответила:

— Саний с Нессой присматривают за господином бароном!

— Какие молодцы! — похвалила я.

Отлично, все приставлены к делу. И детям интересно, и у взрослых под ногами не мешаются. А Несса — серьезная девочка, если что, присмотрит за малышом.

— Нянюшка, передай Мине, чтобы подала мне обед в кабинет, мне с документами разобраться нужно, — попросила я.

Прежде чем подниматься на второй этаж, пересекла большую гостиную, тихонько приоткрыла дверь комнаты, где сейчас лежал барон.

Несса расположилась в кресле, рядом с ней на табурете сидел Саний с мечом в руках. Видимо, малыш очень серьезно отнесся к обещанию стать нашим защитником.

Сама не заметила, как улыбка коснулась моих губ. Потихоньку прикрыла дверь и пошла к лестнице. Настроение было отличным. Я получила поддержку от того, на кого даже не рассчитывала.

В кабинете после уборки стало намного светлее, уже меньше пахло вездесущей пылью. Солнечные лучи освещали комнату, и здесь было намного теплее, чем внизу.

Села в кресло с высокой спинкой, немного поерзала, устраиваясь поудобнее. Первым делом решила проверить ящики стола, рассуждая, что самое ценное должно храниться именно в них.

Я выдвигала ящички, выкладывая из них все содержимое стопками на стол. В одном из ящичков обнаружилась пустая бутылка из-под вина, в другом лежали старые газетные листы.

О, здесь есть газета! Значит, можно быть в курсе новостей! Отложила их в сторонку, рассчитывая просмотреть позже. Даты на первой странице мне ни о чем не говорили. Может, этим газетам год, а может, и все пять. Какой сейчас год — я не знала, как, впрочем, и месяц и день. Нужен календарь!

Ничего путного я не обнаружила и в остальных ящиках стола, остался один, закрытый на ключ. Подергала за ручку, но ящичек не сдвинулся ни на миллиметр.

Ломать хорошую мебель было жаль. Обвела глазами комнату. Ключ должен находиться где-то здесь.

На полке стояло несколько декоративных вещиц. Отодвинула кресло, вставая. Подошла ближе, внимательно разглядывая вазочки и статуэтки. Потом просто начала переворачивать все вверх дном и трясти. Повезло на третьем с краю пузатом кубке.

Ключ со звоном упал на полку. Я взяла его в руки, покрутила. Изящная кованая вещица. Главное, чтобы подошел.

Вернулась к столу, ключ легко вошел в замочную скважину, два щелчка — и я выдвинула ящик стола. Внутри лежали стопки документов, и то, что на некоторых я заметила гербовые печати, говорило об их важности.

Рассмотреть бумаги не успела, послышался стук в дверь, и в кабинет вошла Мина с подносом в руках.

— Вот, барышня, обед ваш.

Глянув на разложенные по столу стопки бумаг, она неодобрительно покачала головой, но промолчала.

— Спасибо, Мина, пустую посуду я потом сама принесу, — поблагодарила я кухарку.

При виде аппетитных блюд организм напомнил, что он вообще-то молодой и еще, кажется, очень даже растущий и ему требуется полноценное питание.

Дождавшись, когда Мина выйдет из комнаты, прихватив с собой пустую бутылку, и подождав для верности еще минуту, я позвала:

— Антипка, покажись!

Домовой материализовался неподалеку от двери.

— Звала, хозяйка?

— Отобедай со мной, Антипка, — предложила я ему. Ведь не просто так я попросила принести мне обед сюда. Таскать куски из столовой было как-то неудобно и вызвало бы подозрение.

Домовой деловито забрался на стул, изучил содержимое подноса, выбрал для себя кусок хлеба и мисочку с медом и ягодами.

— Благодарствую, хозяйка.

Он сел на стул, да вот беда — до стола Антипка не дотягивался.

— Подожди минутку! — Я вскочила, взяла две толстые амбарные книги и положила их на стул. — Вот так лучше!

Теперь можно и пообедать.

Я пододвинула к себе миску с похлебкой, а домовой стал аккуратно макать хлеб в мед. Отправляя кусочек в рот, он жмурился от удовольствия. Сладостен!

Быстро поев, я стала ему рассказывать о том, что я сегодня надумала, осматривая хозяйство поместья. О курах, коровах и огороде. О том, что не помешало бы еще лошадей прикупить. О восстановлении мыловарни и прачечной. С водопроводом бы еще разобраться, как он работает? Очень хотелось полноценно вымыться.

Антипка слушал, кивая в такт моим словам.

— Как ты думаешь, у меня получится?

— Получится, даже не думай, я подмогну, — пообещал домовой, вселяя в меня надежду на успех.

Глава 14

Тарелки и миски опустели, на сытый желудок жизнь показалась еще краше.

Я собрала грязную посуду на поднос и отставила подальше. Откинулась на жесткую спинку кресла, вытянув перед собой ноги.

— Хорошо-то как!

Домовой деловито слез со стула и вразвалочку направился в угол комнаты.

— Спасибо за обед. Пойду я, дела...

При этом он так сладко зевнул, что сразу стало понятно, по каким делам он отправился.

Я зевнула следом.

Ну вот! Заразил!

А у меня еще столько дел. Я сразу вспомнила, что меня прервали именно в тот момент, когда я наконец нашла что-то важное.

Сонливость как рукой сняло. Выдвинув ящик стола, я стала выкладывать его содержимое. Чего тут только не было! Аккуратно свернутые в трубочку документы, перевязанные тесьмой, конверты с письмами внутри, просто клочки бумаги, исписанные корявым почерком.

Для начала решила систематизировать документы, складывая их стопками. Выбрала из общей кучи письма в конвертах, благо это было сделать легче всего. Отложила их в сторону, потом просмотрю.

Теперь отдельные листы бумаги в одну сторону, а серьезные на вид документы — в другую. Этих, кстати, оказалось совсем немного, вот с них и начну.

Что тут у нас?

Документы оказались действительно серьезными. Такие впору в сейфе держать, а не в ящике письменного стола, пусть и под замком. Брачное свидетельство моих родителей, по которому папенька получал титул барона и принимал фамилию своей жены, становясь Натаном Снежным. Документы, по которым Амелия Снежная получала в качестве приданого старую усадьбу и девять деревень. При этом три ближайшие к поместью деревни и сам дом Амелия получала в подарок от своей матери, и распоряжаться ими могла только она сама. Очень умно придумано, отличная страховка. Если что, супруга не останется с пустыми руками.

Здесь же лежало завещание моей матери, по которому ее дочери Каталине Снежной передавались эти три деревни вместе с поместьем. При этом в завещании отсутствовали какие-либо условия, просто было помечено, что право это переходит ко мне с момента совершеннолетия, а до этого управление поместьем возлагалось на родителей, либо опекуна, либо мужа, но тоже только до совершеннолетия.

Найденный документ меня очень порадовал. Видно, маменька была очень умной женщиной и позаботилась о моем будущем.

Здесь же было еще одно завещание, по которому все движимое и недвижимое имущество получал мой брат Питер. Вот только он так никогда и воспользуется своим правом. Это так грустно, когда родители хоронят своих детей.

Еще в бумагах я обнаружила что-то вроде местного паспорта. В каждом документе было написано полное имя и титул, данный при рождении, ну и сама дата рождения.

Я наконец-то смогла хотя бы примерно узнать, какой сейчас год, прибавив восемнадцать лет к своей дате рождения.

На этом важные документы закончились, и я сложила их назад в ящик стола, в будущем нужно придумать им место понадежнее.

Куча разрозненных листков бумаги оказалась долговыми расписками, и их было ну очень много!

Некоторые были совсем на малые суммы, но попадались и огромные долги. Именно по такой расписке ушла к новому хозяину одна из деревень. Это сколько же нужно было вина купить? А вот и те три расписки, по которым папенька умудрился заложить мое наследство, причем действовал он от моего имени, даже подпись моя имелась!

Видно, у родителя совсем ничего святого не осталось!

Апофеозом найденного был брачный контракт между баронессой Каталиной Снежной, восемнадцати лет, и бароном Августином Мерзякиным, шестидесяти двух лет от роду.

А он и вправду старик! И для чего ему понадобилась совсем молоденькая девчонка в жены? У него же там, наверное, все давно усохло!

Радовало только одно: подписей на этом документе не было, значит, у меня есть шанс избежать этого замужества, которое мне на фиг не нужно!

Брачный контракт и закладные на мое наследство отправились к важным документам в ящик стола, который я сразу же закрыла на ключ.

Остальные расписки сгребла в соседний ящик. С ними еще предстоит разобраться.

Теперь письма. Бегло просмотрела конверты. Почти все они написаны на имя моей матери и датированы годами, когда она еще была жива. Среди них попадались красочные карточки, похожие на открытки, с приглашениями в гости и даже на балы.

Балы! Здесь бывают балы. Ну да! Нужно же людям как-то развлекаться. Кино еще не придумали. Наверное, есть театры или концертные залы, чем еще развлекали себя люди в далеком прошлом, когда ни телевизоров, ни компьютеров в помине не было?

Письма тоже отправились в ящик стола. Возможно, когда-нибудь я просмотрю их внимательнее, а сейчас у меня есть дело поважнее.

Отыскала по годам последнюю амбарную книгу. Нужно разобраться, чем жило поместье.

Судя по всему, вернувшись с войны, барон еще как-то пытался вести учет, но делал он это бессистемно, путано, и года два назад вообще забросил это дело.

Перед этим записи велись аккуратным женским почерком. Думаю, это нянюшка записывала все происходящее. Помимо приходов-расходов, она кропотливо писала, кто родился, кто умер, кто покинул усадьбу, кто прибыл. Отчеты старост деревень, получаемый с них оброк. К тому времени оставалось уже семь деревень. Две были разрушены войной.

Деревни разрушены, а земли-то остались? Обязательно нужно уточнить этот вопрос!

И вообще, пора уже все записывать. Отложив амбарную книгу, я принялась за поиски чистой тетради. Несколько таких нашлось на полке. Теперь нужно понять, чем здесь пишут.

Пришлось потратить немного времени на поиски писчих принадлежностей. В столе я еще ранее обнаружила несколько металлических палочек с заостренными концами. Одна беда — они были цельными. Не было отверстия для чернил, не было стержня или грифеля. Я бы еще долго ломала голову, пока не догадалась провести одной такой палочкой по бумаге.

На листе остался темно-серый след. Да это карандаш! Судя по всему, серебряный.

Теперь я могла записывать свои мысли, вопросы, и пора возобновить записи в амбарной книге. Вот прямо сейчас!

Точной сегодняшней даты я не знала, поэтому написала только год. Первой записью стало: «Вернулась в поместье».

Рука сама вывела привычную роспись под этой строчкой. Радует, что я умею писать, не хотелось бы обучаться этому заново.

Отложив в сторону серебряный карандаш, вернулась к записи, которую просматривала перед этим, долистала в обратную сторону до времени, когда еще поместьем управлял супруг нянюшки.

Записи были сделаны твердой мужской рукой и радовали цифрами прихода. Поместье поставляло на рынок огромное количество шерсти. Помимо этого, на рынок отправлялось заготовленное сырье стахиса. Это, кажется, то самое, чем окрашивают шерсть?

Рыба, сыры, колбасы — что только не производилось в поместье!

Отдельной статьей шел учет продажи трифилия — четырехлистного клевера, из которого изготавливали заготовки почти всех известных зелий.

Еще одной, самой большой статьей дохода было изготовление глиняных изделий. В одной из деревень было налажено производство тех самых труб для водопровода и других глиняных вещей, вплоть до обычной посуды.

«Горшечное», — вывела я название деревни, поставив жирный знак вопроса. Этого названия я не встретила среди проданных деревень. Если мне сильно повезет и глиняный карьер все еще находится на территории поместья, это будет настоящей удачей.

Записи о продаже рыбы натолкнули меня на мысль, что было бы неплохо съездить в Озерное. Других водоемов на карте я не наблюдала, значит, рыба привозилась именно оттуда. И это будет то, чем я займусь завтра с утра.

Незаметно пролетел день, за окном сгущались сумерки, и мне становилось все труднее читать лежащие передо мной записи. Несса уже дважды прибегала звать меня на ужин, но я отмахивалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.